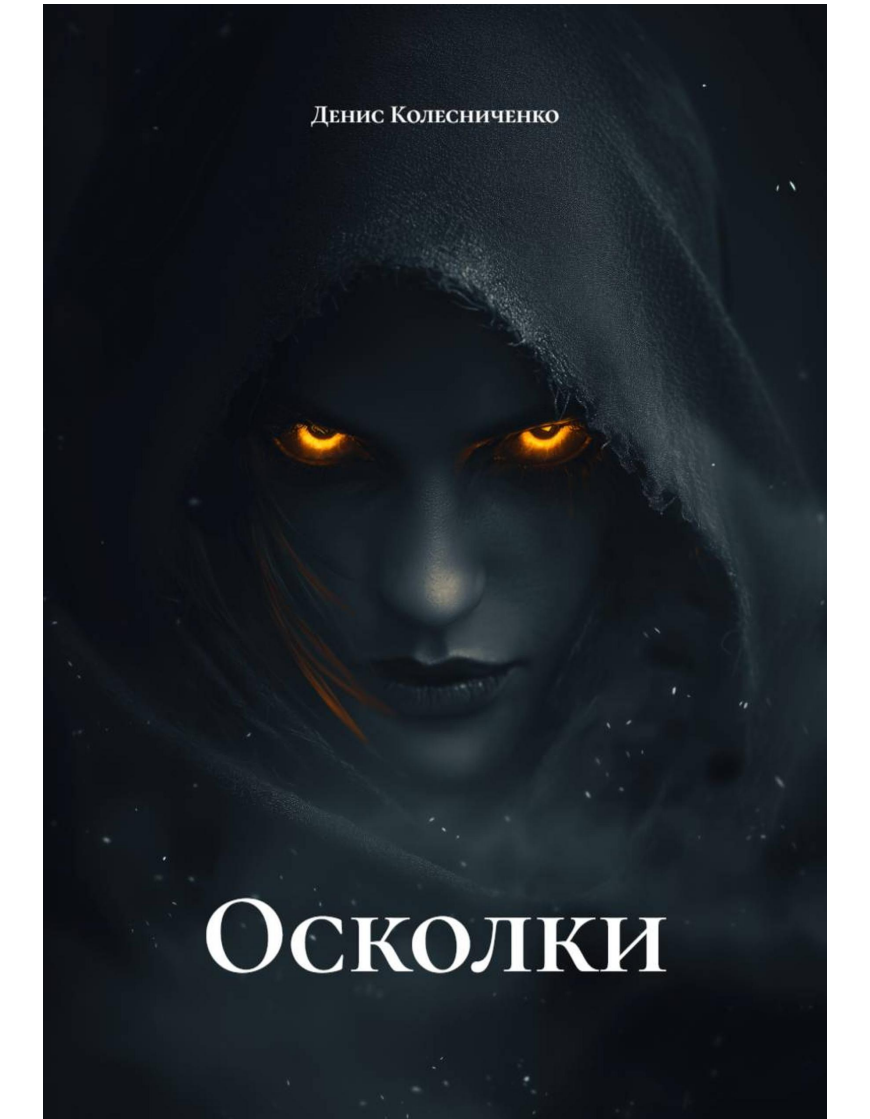

ДЕНИС КОЛЕСНИЧЕНКО

ОСКОЛКИ

Денис Колесниченко

Осколки

<https://litres.ru/74338483>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Осколки» - это история о мире, где Бог - это человек, который вырвал своё сердце и съел богов.

Представьте себе Гиперборею: вечные льды, леса, пылающие огнём, и людей, которые не молятся - они отдают свои сердца в обмен на силу. Здесь богов не почитают, их убивают. Герой по имени Керуинн, съедаемый жаждой свободы, приносит себя в жертву Солнцу, чтобы стать оружием против тирании древних существ. Он пожирает сердца падших богов, превращаясь в нечто большее.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	39
Глава 4	48
Глава 5	64
Глава 6	75
Глава 7	79

Денис Колесниченко

Осколки

Глава 1

Глава 1

Сердце мятежника

1.

В начале была Воля. И Воля была стужком огненным. Мы дали ей имя Солнце. Устав от бесплодного мира, Воля решила наполнить пустоту: она потрошила себя в агонии творческого порыва. Из кусков Воли родилась земля, появился свет, океаны наполнились водой. Воля взглянула на творение, всё было подвластно ей, но всё пребывало в противостоянии друг с другом и Солнце испытало трепет. Но и этого Солнцу было мало. Оно создало первых богов. Богов из чистой воли и света.

Василиск – змей огромный, вечный сторож ясеня, что в центре мира расположен. Хитрый бог. Коварный бог. Отец змеелюдов страшных, его верные воины, которые помогали ему в охране сокровищ ясеня. Его тело было в сотни тысяч рук длиной. Каждая чешуйка размером в человека и толщиной в столетнее дерево. Глаза горели волей. Красные.

Многие приходили к нему, погибали быстро, с наслаждением было стать мертвецом от зверя столь лютого, тем веселее жизнь. В Гипербореи есть пословица: «Смерть твоя говорит обо всей твоей жизни».

Второе дитя Воли – Кронос; за мудрость он ведал. Огромный воробей, чьи крылья закрывают Солнце и наступает ночь. Коричневый как кора дуба, но глаза горят желтым, как золото, что кипит в жерле вулкана. Он свил себе гнездо в облаках и лишь изредка обращает свой взор на землю, когда новая мудрость выходит из трещин Воли мировой. Кронос стал создателем всех птиц на земле, вон сидит ворон, слушает меня – и Кронос уже сегодня узнаёт о моих словах.

Третье создание больше всех напоминал творца... Феникс его звали, чистым огнём он является. Сжигает всё вокруг себя, ничего не создав, поняв, что служит уничтожению, отправился в вечно горящий лес. Путники и близко не могут подойти к нему, жар от него стоит невыносимый, металл плавится только, подойдя к лесу. Сидит там и ждёт своего часа, иногда выходя, чтобы уничтожить, что-то прекрасное.

ВЕЛИКАЯ МАТЬ БОЙНЯ – госпожа, Богиня прекрасная, создательница людей, вечных слуг своих, Богиня по её воле мы существуем. Отрада поклоняться Великой Матери. Имеет вид женщины ростом с гору и с шестью головами, каждая из которых прекрасно в своей красоте. Её ненависть к слабым – радость для нас, люди стали её вечными воинами, чей смысл уничтожать ради своей Богини. Бойня желает и же-

лает правильно стать единственной богиней в мире и люди с этим помогут! Жизни Бойне! В руках у неё тесаки из стали что старше земли, рубит она ими без пощады, так будем учиться у неё жестокости. Мечтаю и я стать кормом для неё, особенно, для её третьей головы.

И последнее творение Солнца – Ирнис бог плут, охотник, что бегал по лесу с луком и азартом хищника. Кутёж и веселье, не власть, не мудрость, лишь свободным он хочет быть. Его внешний вид был подобен человеку, но с чертами диких животных: у него были глаза, сверкающие, как звёзды, и рога, извивающиеся, как лозы винограда. Ирнис обладал харизмой, которая притягивала к нему людей, и его смех звучал, как звонкий колокольчик, наполняя сердца жаждой приключений и азартом. Он проводил дикие пиршества, где вино текло рекой, а охота становилась искусством. Многие бежали именно к нему в лес, но в его дикой охоте погибали, так и не встретив дичь, ибо только Ирнис мог бежать пьяным сотни вёрст и не разорвать своё сердце.

Среди зелёных лугов и древних лесов, где шумели водопады, сидел старик, рассказывая эту легенду группе слушателей. Его голос был полон уважения и страха, когда он описывал первых Богов, их силу и власть. Но среди толпы находился молодой человек, чьи глаза горели от гнева и непокорности.

— Эти Боги не имеют права управлять нами! Они нас создали, поэтому мы должны и уничтожить — воскликнул он,

прерывая старика. — Я клянусь убить всех Богов, я клянусь сожрать их заживо, я клянусь разорвать их тела, я клянусь перемолоть их кости, я клянусь уничтожить всё, что окажется у меня на пути, а самое главное... Я клянусь вырвать свободу себе, а если кто-то хочет выбрать рабство, я клянусь сделать его навозом для нового мира!

Слова прозвучали. Жребий брошен. Люди не предали его словам значение, кто-то насмеялся, кто-то улюлюкал, но Солнце ответило ему в сердце и теперь цена свободы ясна.

2.

Молодой мятежник шёл по лучам Солнца, которые вели его сквозь леса на вершину горы. Высочайшей горы, на вершине её был воздвигнут храм Солнца. Первое и единственное сооружение, построенное Волей, став отображением её красоты, Храм давал направление всей красоты архитектуры Гипербореи. Колонны с резьбой тысячелетней поднимались к самым небесам. Потолок купол огромный с отверстием в нём, чтобы Солнце всегда могло взглянуть на своих героев. Стены, расписанные историей и на них каждый день, появляются новые витки.

Юноша остановился перед алтарем, сделанным из чистого золота, который сиял так ярко, что казалось, будто он способен поглотить свет самого Солнца. Он знал, что для того, чтобы привлечь внимание божественного светила, ему нужно совершить нечто необычное, нечто, что продемонстрирует его преданность и решимость, действие, которое покажет,

что воли в нём хватит на весь мир.

Молодой герой пал на колени перед алтарём, в его руке шептал кинжал, который был создан из осколка зуба Бойни: «Покажи вкусную сладкую плоть, я хочу резать твои жилки, кровушку мне пить хочется, сладкую, нежную кровушку». Луч Солнца упал ему на грудь. Воля хочет плоти. Юноша вонзил кинжал в свою плоть, разрезая грудную клетку. Клинок ликовал, он упьётся кровью и насытится мясом, и умолкнет. В его груди играл ветерок, луч Солнца щекотал его юное сердечко, обнажённый насос, с которого сорвали одеяло из кожи. Струйки крови падали на алтарь, окропляли пол вырисовывая чудные линии.

Юноша аккуратно берёт своё сердце, словно лаская грудь своей любимой, убаюывая его, готовя к низвержению из оков тела. Пальцы сжимаю стучащую плоть, удары ровные, как молитвы Богам. Резкое движение. Его рука над головой. А в кулаке сердце. Стучит.

Алтарь принимает его сердце. Держась руками за края. Он на последних силах кидает возглас к небесам.

- Солнце, вот сердце моё, прими его и дай мне власть к уничтожению твоих детей, ибо дал я себе право на их убийство! – Кричи Герой, Солнце уже смотрит только на тебя.

И Воля была довольна.

Упав на пол, последний вздох был готов сорваться с его уст. Но луч Воли ударил в него, выжигая рану, кровь кипела, превращаясь в расплавленное золото. Рана затянулась.

Солнце выжигало на его теле древние слова, прочесть которые могла, наверное, только сама Воля. Сердце вспыхнуло на алтаре и исчезло. Жертва принята, так прими и ты милость Солнца. С каждым новым символом, выжженным на его коже, он ощущал, как растёт его сила. Это были знаки, которые даровали ему не только физическую мощь, но и силу воли. Он стал живым олицетворением Солнца, его воля теперь была неразрывно связана с его светом. В этот момент он осознал, что теперь его судьба переплетена с судьбой всего человечества.

Солнце, наблюдая за его превращением, знало, что этот молодой человек стал его избранником, тем, кто сможет бросить вызов Бойни и другим Богам, которые угнетали людей. В его сердце разгорелось пламя, которое никогда не угаснет, и он станет символом восстания, светом надежды для всех, кто мечтал о свободе.

Преображение закончилось, встав в полный рост, словно свиток древних саг, исписанный неизвестными символами – замена самой прочной брони. Его глаза горели светом, в них был триумф Воли. Он ступил дальше, покинув храм его путь только начинался.

Итак, Солнце решило помочь человеку не только потому, что он жертвовал своим сердцем, но и потому, что в его душе горела искра истинного воина, который был готов бороться за право диктовать свои законы. Это был момент столкновения воли самой с собой. Ведь, в конечном итоге, всё в этом

мире есть Воля.

3.

Тело ступало из храма, длинное, сильное, исписанное знаками охраны, волевые символы грядущей победы. Отметки Солнца так и блуждали по всему его телу, перемещались между собой, быть может рассказывая новые истории. Бессердечный шёл по тропе огня, выжженная земля, леса, что не прекращали пылать. Вечно горящий лес, обитель Бога Феникса, обычный смертный давно стал бы пеплом на ветру. К счастью, герой уже горел изнутри сильнее любого пожара. Феникс ожидал его, он бушевал от нетерпения, наконец-то, противник дошедший до него.

Лес был величественным и зловещим одновременно. Деревья, обожжённые огнём, казались измождёнными, их корни сплетались в хаотичные узоры, а листья, превращённые в пепел, уносились ветром. Однако среди этого пекла всё ещё сохранялись проблески жизни — цветы, растущие из трещин в земле, ярко горели алыми и золотыми оттенками, как будто сами звезды обрели жизнь. Пламя норовило лизнуть тело героя оставив сладкий ожог, но герой поглощал любой жар.

Углубляясь в центр леса, к обители Феникса, твёрдым шагом. Прорывая путь сквозь лозы пламя. В дали уже виднелся источник ослепляющего света. Улыбка плясала на лице юноши, будущее сражения уже ласкало его самолюбие. Чувство всевластия. Окрылённый волей. Шаг-шаг-шаг.

Наконец, он достиг центра леса, где огонь бушевал с неимоверной силой. Здесь, среди пылающих деревьев, на огромной скале стоял Феникс — бог, окружённый языками пламени, был он самым смыслом огня. Отличало его от обычного пожара осознанность движений, грация бога. Герой ощущал на себе взгляд инфернального существа. В его голове раздался чужой голос.

Смелость прийти сюда нужна, пришедшие ко мне испытывали смерть. Кровь твоя вскипит, испарится и вознесётся на небеса, чтобы наполнить реки, озёра, моря и лужи.

— Я убийца Богов, - крикнул в огонь герой. — Не смерть я получу, а твою волю! Ты станешь первым на пути моего триумфа.

Кровь била в теле мятежника в унисон танцу пожара. Кинжал был выкинут подальше. Поединок двух бойцов. Глаза юноши стали цвета янтаря. А улыбка демонстрировала зубы, готовые пережевать даже огонь. Феникс закрыл свои крылья, и лес погрузился в темноту. В этот момент он взмыл в воздух, оставляя за собой след пламени, готовясь к атаке. Молодой человек, собравшись с силами, готовый разорвать пламя голыми руками.

Феникс обрушил на него мощный поток огня, который, как река лавы, стремился поглотить его. Молодой человек уклонился в сторону, его тело было защищено заклятиями Солнца, и он чувствовал, как тепло обжигает его, но не причиняет вреда. Он бросился вперёд, нанося удар в глубь сердца.

цевины. Вихри Феникса сверкали, когда он попытался увернуться, но рука уже коснулась его сердца, ослабевая Феникса. И где-то в глубине произошёл первый звончок страха.

Первые люди знали: сердце - это несущая воля человеческого каркаса тела, они хранили сердце и оберегали, но самое главное - они уважали сердце своё и других, что нынешняя племя людей уже стало забывать, но, когда пальцы мятежника сомкнулись на огненной плоти древнего бога, он вспомнил всё. Память предков. Зов пустоты. И волю, что так горело в его сердце, а теперь его сердце в тёплых золотых руках, чего-то более древнего, того что выше их всех, Солнца, для которого, что он, что Бойня всё суть одна - ещё один осколок Воли.

Символы стали светиться на теле воина, он ощутил на себе взгляд самой Воли.

Великий хруст.

Сердце древнего бога в руках у человека.

И нет истории прекраснее, чем убийство богов.

Мятежник съел сердце, оно было вкусное, сладкое, нежное.

Кровь бурлила и теперь тело Феникса превратилось в золу. Лежав прахом перед ногами воина, он пошёл прочь. Лес расцвёл, как никогда раньше. Цветы взорвались яркими красками, а деревья, некогда опалённые, вновь обретали силу. Сделав шаг назад, он осмотрелся вокруг. Вечно горячий лес, который был символом страха и разрушения, теперь

стал местом жизни и надежды. Он знал, что его следующий шаг — это ясень Иггдраселя, где его ждала новая судьба. С каждым шагом он чувствовал, как его силы укрепляются, а вокруг него расцветает новая жизнь.

С победой над Фениксом он стал не просто воином, а символом перемен. Теперь он шёл к ясеню, готовый продолжать свою борьбу и освободить мир от тирании. В его пустоте горело пламя, и он знал: это только начало. Воин шёл дальше.

4

Мятежник шёл по лесу вечного огня, который теперь становился лесом вечного цветения. Зола стала удобрением для новой жизни, и она восхваляла убийство Феникса. Каждый цветочек ликовал и благословлял, они желали ему успехов в убийствах.

– Съешь их сердца, - крикнул росток.
– Убивай всех, - провожала нежная красная роза.
– Залей весь мир кровью богов, из них самое лучшее удобрение! – воскликнул зелёный мох.

Лес, наконец-то, вздохнул.

Выйдя из леса, внимание нашего странника обратилось на незнакомца, который его ждал. Человеком он был только отдалённо, глаза горели красным, ухмылка вервольфа, ростом выше любого человека, его конь был также огромен и суров, мощью его можно назвать. Воин почувствовал, как его разум работал быстрее — перед ним мог быть как враг, так и союзник.

– Неужели я встретил убийцу богов, – спросил громким, сладким голосом незнакомец. – Говорят, что ты бросил вызов всем богам и самой Бойне, та, которая Великая мать?

– Да, это - я, тот-кто-бросил-вызов-богам, – ответил молодой человек.

– Интересно, — произнёс незнакомец, наклонив голову. — Я тоже не доволен богами, ужасно скучные. Они создали этот мир, чтобы править им, как хотят. Я – Ирнис, бог охоты и веселья, и хочу видеть мир, где нет тирании, а лишь вечная охота и кутёж.

Воин испытал надежду. Простым мятежником никого не удивить. Но если и боги восстают, значит пришло время, чтобы сломать хребет судьбе, что готовит миру Бойня.

– Ты готов помочь мне в этой борьбе? – спросил воин, чувствуя, как в его груди разгорается пламя решимости.

– Да, – ответил Ирнис с ухмылкой. – Я не против уничтожить Богов и сделать мир местом, где каждый будет свободен. Вместе мы сможем достичь этой цели.

Вместе они направились к ясеню Иггдраселю. Там их ждал древний бог Василиск, чьи отпрыски змеелюды блуждали и готовы были напасть на любого. Они ехали на коне Ирниса вместе обменивались историями.

– Иггдрасель находится в центре мира, по легендам первое дерево, на котором весь мир и держится, Воля уронила свою каплю на него, и пока эта капля текла по веткам и стволу Ясеня, она превратилась в Василиска, я видел это лично,

совсем молодой, только созданный мир, и капля Воли, что течёт по первому дереву становясь змеем. – Закончил Ирнис.

– А Бойня? – задал вопрос мятежник.

– Кто знает, она уже была, когда я пришёл, только голов у неё было меньше.

Когда они подошли к ясеню, их внимание привлекло движение среди корней. Из тени вылезал Василиск, змееподобный бог хитрости и коварства, а его глаза сверкали злорадством. Он был огромен, величественный, и источал угрозу колоссального чувства. Глаза горели расплавленным золотом. А рот будто застыл в вечной усмешке.

– Ирнис, ты завёл себе питомца? – прошипел Василиск. – Ты всегда отличался дурновкусием, но, чтобы настолько... Два жалких существа, осмелившихся бросить мне вызов. Ты, Ирнис, предатель, выбравший сторону смертных, и ты, человек, который даже не понимает, с кем играет.

Василиск был цепью из кишок и чешуи, которая овивала могучий Ясень, по его древним как сам мир артериям бежал чистый первородный япад, самый сладкий и смертоносный.

Мятежник с упоением смотрел на змея, он видел не древнего бога, а самый манящий и нежный плод, плод Воли, который хотелось выпотрошить и проглотить.

– Я сожру тебя, Василиск, я отрежу твою голову, вырву сердце и выпью твой яд, посмотри в мои глаза и испытай страх! – крикнул мятежник.

Василиск засмеялся, его голос звучал как шорох змей.

— Вы не способны на это! Я создал армии, которые готовы разорвать вас на куски!

В этот момент Ирнис, не теряя времени, достал свой лук. Его движения были грациозными и стремительными. Он натянул тетиву и, прицелившись, выпустил стрелу, которая, словно молния, вонзилась прямо в глаз Василиска. Фонтан ядовитой крови орошал землю, скоро начнётся прекрасный акт резни, нежная кровушка покроет округу как шёлковый коврик. А вам нравится видеть, как боги умирают?

Василиск взвыл и из теней, щелей подняли головы змеелюды. Они были полны злобы и ненависти, их чешуйчатые тела сверкали, а глаза светились жаждой крови. Воин и Ирнис встали плечом к плечу, и их кровь бурлила и ликовала, нет для кровушки большей радости, чем пролиться в бою.

Первый змеелюд, с шипами на спине, бросился на них, но воин, увернувшись, нанёс удар мечом, рассёкший его тело пополам. Кровь, как чернильная река, хлынула на землю, но это лишь раззадорило остальных.

— Не отступай! — закричал Ирнис, его голос был полон мощи. Он продолжал стрелять из лука, каждая стрела находила свою цель, и змеелюды падали на землю, как скошенные травы. Одна стрела рассекла голову змеелюду на две части и мозг выпал на землю, казалось он ещё пытался осмыслить свою смерть, пока вторая стрела уже пробила грудную клетку его товарища и поцеловала кончиком сердце, поцелуй был смертельный и змеелюд погиб, так и не видя куда

полетела третья стрела.

А у третьей стрелы была маленькая мечта, она с самого своего создания хотела пробить сразу два глаза одним вектором. Сегодня её мечта исполнилась, когда Ирнис выпустил её в стаю змеелюдов, она силой своей устремилась в зрачок ближайшего врага, она прошла сквозь его голову, разрежала мозг и вышла из затылка, свой дом она нашла в глазнице стоящего за ним бойца, так закончилась история стрелы, которая исполнила свою мечту.

Битва была в полном разгаре. Воин сражался как никогда прежде, его меч разил врагов, оставляя за собой следы разрушения. Он чувствовал, как сила Феникса, которую он поглотил, наполняет его, позволяя ему сражаться с невероятной храбростью. Каждый удар, каждый шаг были наполнены волей к мощи. Но змеелюды, как тени, продолжали приходить, их число не уменьшалось.

Ирнис, видя, что сражение затягивается, призвал свою силу. Он поднял руки к небу, и из них вырвался поток энергии, который обрушился на врагов, как буря. Это был его дар — превращение охоты в искусство, где каждый выстрел был не просто попыткой, а истинным проявлением силы

— Ты забыл Василиск, что я видел твоё рождение, я древнее тебя и сильнее, - произнёс Ирнис холодным тоном, которым судьи выносят приговор расчеловечивания виновного.

— Я покончу с этим, пора этому миру сломать хребет! — крикнул Мятежник. Он чувствовал, что усталость начинает

брать верх, но не мог остановиться.

Собрав последние силы, он бросился к ясеню, зная, что только сжигание этого священного дерева может положить конец власти Василиска. С пылающей волей он прикоснулся к корням дерева, и, используя силу Феникса, создал пламя, которое стремительно охватило ясьень.

— Нет! — закричал Василиск, его злость переполнила лес. — Ты не смеешь этого делать!

Но воин, не обращая внимания на крики врага, продолжал сжигать дерево, и вскоре его мощь охватила всё вокруг. Пламя взвилось в небеса, как волны ярости и свободы. В этот момент, отвлечённый от своих врагов, Василиск не заметил, как Ирнис подкрался к нему сзади.

— Ты заплатишь за свои грехи, — произнёс Ирнис, его голос был низким, как глухой удар молота. Он одним резким движением отрубил голову Василиску, и та покатилась по земле, оставляя за собой следы крови.

Змеелюды пустились прочь, тело их отца лежало без головы, кровь его обнимала землю. Иггдрасель медленно превращался в золу, всё горит, всё изменяется, особенно, то что давно нужно было сжечь.

Они смотрели на мёртвое тело Василиска, и воин почувствовал, как его голод усилился. Он знал, что это будет не просто победа, а момент, когда он сможет поглотить силы своего врага.

— Это не просто победа, — сказал Ирнис, его голос был

полон уважения. — Мы должны использовать эту силу для дальнейшей борьбы против остальных Богов.

И начался пир.

Мятежник и Ирнис в голоде своём начали потрошить тело бога древнего. Глазные яблочки съел мятежник, сердце они поделили пополам, мяса было много, они жарили его на костре и с наслаждением пожирали его, а ядовитой кровью запивали останки их владельца. Кровь видя смерть своего хозяина была удивлена и покорна дала себя выпить. Каждый кусок, который он принимал, добавлял к его силе, и он знал, что теперь он стал сильнее, чем когда-либо.

Сидя среди пепла и обломков, они размышляли о следующем шаге. Их союз стал символом надежды для человечества, и они понимали, что впереди их ждёт ещё много битв. Но теперь они были не просто воинами — они стали легендой, готовой бросить вызов всем Богам и изменить течение истории.

Интерлюдия

Наши путники устроили привал в лесу. Они развели костёр, устроились по удобнее возле него, ночь гиперборейских лесов окутала их, создавая приятную и спокойную атмосферу, даже ветер стих в дань уважения редкому покою.

Ирнис застрелил пару зайцев, которых они готовили, запах мяса был слышан за много шагов от них, но никто бы не рискнул к ним подойти. Нежное мясо зайца, на свежем воз-

духе, на диком огне, выглядело прекрасно в своей первобытной аскезе. Они вкусили его. Прекрасное на вкус. А самое вкусное — что добыто своими руками. Почему еда вкуснее, когда вы делаете её сами? Труд — лучшая приправа.

Весь мир источал зловонье откровенной слабости и раболепия. Скоро мир будет уничтожен. Старый. Слабый. Хребет будет сломлен. Жалость вынуждает нас быть жестокими. Я проклиная старые устои. Пусть мир умоется кровью. Мысли юноши путались всё сильнее.

Ирнис посмотрел на мятежника, увидел в нём странные метания в глазах. Даже древний Бог оказался озадачен происходящим с его соратником.

— У тебя глаза бегают, что с тобой? — спросил Ирнис и в его голосе было искреннее беспокойство.

Воин схватил свою голову и взвыл. Глаза святились пожаром. Кости прибывали в безумном экстазе, становились плотнее, твёрже, тяжелее. Пожирай этот мир, мятежник. Новый Бог — для нового мира. Зубы его стали острее, медленно с болью и кровью росли в пасти. Язык вытянулся — стал подобием змеиного. А отметины Солнца, полученные в храме, горели, будто жерло мира лилось на кожу мятежника.

Ирнис схватил нашего героя, не давая ему двигаться, бежать, он заставил принять все страдания. Герой молил о смерти, о кончине. Агония продолжалась. И вот уже кожа стала покрываться мелкой чешуёй сильнее, перья чёрные, тёмные пробивались по телу. А главное на голове. Ростки.

Два тёмных и твёрдых. Будущие рога.

Боль прекратилась в момент, как и пришла. Юноша рухнул без сил, походил он на человека всё меньше. Его дыхание частое, тихое, струилось по земле.

Ирнис взглянул и понял, вот и родился новый бог.

5

Мятежник и Ирнис ехали на его лошади в чертоги Кроноса, старого и мудрого бога, который совсем потерял интерес к жизням людей и теперь полностью погрузился в изучение этого странного мира.

— Ирнис, у тебя есть интересная история? — спросил юный воин.

— История есть и их много, тебя интересует покровавее или позабавнее? - спросил Ирнис.

— Подлиннее, нам ещё долго скакать к храму Кроноса, — ответил мятежник.

— Подлиннее... До тебя уже был один человек, который бросил вызов богам, звали его Агасфер, странное имя для тех времён, тогда ещё имена давали в честь существ, люди верили, что качества животного передадутся их детям, сейчас вы любите более замудрённые имена, вот тебя как зовут? — спросил Ирнис.

— Керуинн меня зовут, разве имя имеет значение? — кинул скептический вопрос наш юный богоборец.

— Колоссальное, — сказал Ирнис задумчиво и вернулся к

истории, но в его глазах играли искорки понимания. — Агасфер был хитрый вор, потрясающих способностей, он тот, кто украл зуб у Бойни, твой кинжал - это лишь осколок её зуба, а он потом сделал себе целый меч, о, как этот меч чудно разрезал плоть богов, чудесное зрелище... Тогда и Бойня была молодая, имела всего три головы, видимо все три смотрели в другую сторону, — усмехнулся Ирнис.

— И что стало с мечом и с Агасфером, я никогда о нём не слышал?

— Бойня постаралась стереть его из памяти людей тотальным террором, но Агасфер жив и проклят, скитается по всей земле и ждёт смерти богов, тогда он сможет спокойно умереть. А меч его... никто не знает где он. Я пытался его найти, но его нашёл кто-то первым, сам же Агасфер не помнит не кто он, ни где он. Ходит безумным стариком, на которого никто не смотрит. Его история показывает, что даже, когда у противника больше голов, всегда можно найти слепую зону и нанести удар, нет у человеческого героизма начала, нет и конца. — Закончил Ирнис, и она поскакали быстрее.

Когда они вошли в святилище Кроноса, его присутствие наполнило пространство атмосферой величия и мудрости. Огромные часы, висевшие на стенах, отбивали размеренный ритм, словно напоминание о том, что время — это нечто большее, чем просто мимолётные мгновения. Кронос стоял в центре зала, его фигура была величественной и мощной, а глаза, как бездонные пропасти, смотрели на них с интересом.

Зал был белоснежный, прекрасен, высокие колонны, уходящие в небеса и отверстие, чтобы всегда видеть Солнце.

— Зачем вы пришли, смертный и... Ирнис, ты, наконец-то, нашёл в себе воле бросить вызов Бойне? — спросил он, его голос звучал как гром среди тишины.

— Мы пришли за твоей помощью, Кронос! — воскликнул воин, не отводя взгляда. — Мы хотим покончить с Бойней, но без твоей силы нам не справиться.

Кронос задумался, его воробыный лик стал серьёзным. — Я могу помочь вам, но сначала вы должны отгадать мою загадку. Лишь тогда вы получите то, что ищете.

Воин и Ирнис обменялись взглядами. Они знали, что отгадка загадки может стать ключом к их победе. Кронос продолжил:

— Я безмолвен, но мои слова могут изменить судьбы. Я невидим, но моё время всегда под контролем. Что я?

Герои задумались, их умы работали на пределе. Время летело, и они понимали, что каждая секунда имеет значение. Наконец, мятежник произнёс:

— Ты — Воля!

Кронос радостно чирикнул, и его глаза засияли как звёзды.

— Верно. В награду я дам тебе крылья, чтобы ты мог подняться к небесам и сразиться с Бойней и меч Агасфера, который я когда-то нашёл, скорость и точность — это прекрасно, Ирнис, но всех сильнее — Разум, — Кронос распахнул

крылья.

Свет, исходящий от Кроноса, окутал воина, и из его спины вырвались великолепные крылья, сверкающие, чёрные как бездна. Эти крылья были не просто символом силы — они давали ему возможность летать, позволяя взглянуть на мир с высоты и нанести решающий удар.

— Теперь идите, — сказал Кронос, его голос звучал как ветер. — Ваша судьба ждёт.

С новыми силами и крыльями, воин и Ирнис направились к логову Бойни. По мере приближения к её обители, Ирнис заметил, что молодой человек начал походить на змея. Его движения становились более грациозными и уверенными, а кожа слегка проблёскивала, словно чешуя, при этом на голове начали появляться очертания рогов. Поглощение плоти богов явно оставило свой след, и это стало для них обоих знаком того, что он стал чем-то большим, чем просто человеком.

Меч Агасфера был невозможно лёгкий и острый, он был слегка изогнут, это - клык самой Бойни.

— Прекрасный меч, видна рука мастера, — сказал Ирнис. — Я не надеялся, когда-то его увидеть.

Когда они подошли к логову Бойни, оказалось, что она ожидала их. Её огромная фигура возвышалась над ними, и её шесть голов смотрели с презрением. Её зловещая улыбка окрашивала сразу все головы, на одной из них, самой старой из шести, мятежник заметил отсутствие зуба.

— Наконец-то вы пришли, нашли в себе Волю принести свои потроха, — произнесла Бойня, её голос звучал как раскат грома. — Я ждала, когда вы осмелитесь бросить мне вызов. Но вы не сможете победить меня, Ирнис позор, а не божество, созданные, чтобы править ты убиваешь своих сородичей, падаль, а ты, человек, я создала ваш род, ты пришёл убить свою Мать!

— Мы пришли, чтобы убить тебя, уничтожить, низвести до основания самой идеи — Матери Бойни! — крикнул мятежник, сжимая свой меч.

Бойня зловеще засмеялась, и битва началась. С её шести голов сыпались проклятия, а воины, созданные Бойней, бросались на Ирниса, готовые разорвать его на куски. Воины её были слабы, ведомые лишь страхом перед Матерью, они сражались слабо, Ирнис с лёгкостью позволил своим стрелам исполнить мечту первых убийств. Кровь лилась на почву, и она ликовала в безумном экстазе насилия. Прекрасный красный дождик упал на травку, и она схватила воина Бойни за ногу, что позволило стреле Ирниса пробить его сердце.

Воин, расправив свои новые крылья, взмыл в воздух, как птица, и стал атаковать с небес. Он чувствовал, как сила богов и самой Воли внутри него бушевала, придавая мощи и ярости. Он обрушился на одну из голов Бойни, меч, сверкающий в солнечном свете, достиг её шеи, и с одним мощным ударом отрубил её. Меч Агасфера испил крови Бойни, для чего он и был создан когда-то.

Услышав крик боли, остальные головы Бойни обернулись к нему, и в их глазах зажглось пламя ярости. Но воин не оставался. Он вновь и вновь атаковал, уверенно размахивая мечом, и каждое его движение было наполнено первобытной яростью.

Бойня, теряя головы одну за другой, начала паниковать. Она бросила своих воинов на Ирниса, но тот, как ловкий хищник, продолжал сражаться, убивая врагов с каждым выстрелом. Вокруг них разгорелась настоящая резня, и она продолжалась, как вихрь, унося с собой всё на своём пути.

Ирнис вытащил самую древнюю, первородную стрелу, которую он создал, будучи совсем юным богом, она была смочена его кровью. Он вложил её в лук, натянул и с лёгкой ухмылкой отправил её в первое и последнее путешествие точно в глазное яблоко Бойни. Мечта первородной стрелы была исполнена.

Бойня взревела.

У неё оставалось четыре головы.

Ирнис и воин сражались как единое целое, их действия синхронизировались, и вскоре все шесть голов Бойни были отрублены. Её тело стало светиться ослепительным сиянием, подобно звёздам, которые умирают и становятся светом. В этот момент Бойня закричала от ярости и боли, её мощь угасала, и она начала светиться, как огонь, поглощаемый ветром.

— Нет! — закричала она, её голос звучал как гул в горах.

— Я не могу исчезнуть!

Словно в ответ на её крики, небеса открылись, и свет Солнца обрушился на неё, поглощая её сияние. Бойня исчезла, как дым, и с её исчезновением её воины, увидев, как их повелительница падает, сложили оружие. Они опустились на колени перед воином и Ирнисом, их лица выражали страх и уважение.

— Мы присягаем на верность вам, — произнёс один из воинов, его голос был полон покорности. — Мы больше не хотим служить тиранам.

— Я не завоёвывать вас пришёл, я в этот мир как хозяин пришёл, чтобы свергнуть богов и свободой мир напоить, — сказал мятежник, чей вид уже слабо напоминал человека. Он понимал, что теперь он стал не просто человеком, а чем-то большим — Рогатым Богом, защитником Гипербореи. Его крылья сверкали на солнце от крови Бойни, и он ощущал, как сила Воли наполняет его. — Боги не спускаются с небес, — произнёс он, его голос звучал уверенно и мощно. — Они рождаются на Земле и выбивают себе право называться Богами!

Его рога стали большими, он покрылся чешуёй и перьями, крылья вороны, глаза горели красным, как два Солнца, а на теле играли светом отпечатки, оставленные ему солнцем в храме.

С этими словами он принял клятву воинов и понял, что его путь только начинается. Теперь он не просто воин, а сим-

вол силы, новый бог этого мира и теперь он принимает ответственность за этих людей, он не хочет видеть рабов рядом собой, ему не нужен страх, Рогатый Бог хочет только одно — видеть, что его люди становятся с каждым днём сильнее, нет лучше молитвы, чем проявить волю в бою с врагом. Его присутствие стало источником мощи, и он знал, что вместе с Ирнисом и новыми союзниками они смогут изменить мир.

Глава 2

Фрей

Там, где расы исчезли следы. В снежных вихрях. Среди высоких деревьев, чьи листья нашёптывали: «По пятам за тобой, человек, они следуют с века в век.»

Фигура шла спокойно, размеренно, ибо не страшен холод уже умершему. Мёртвый воин, в чьей пустой груди горел огонь жажды мести. Его лицо было бледным, а тело — полусыпано снегом, но его дух оставался несломленным. Когда-то его звали Фрей, теперь он ходячий труп. Он шёл на капище Рогатого Бога, зная, что только Рогатый сможет дать ему крылья и наделить его труп волей, чтобы сокрушить своих врагов.

Глубоко в лесах вечной зимы, высилось древнее капище, первое, куда дойдёт только погибший. Нога Фрея вступила на камень этого потерянного места, созданного для потерянных людей

В центре капища был алтарь, на котором ещё лежали туши животных, они были замороженные, какие-то разорванные в клочья, остальные целые. Внезапно воздух наполнился шорохом, и из темноты возник Рогатый Бог, его змееподобная голова медленно поворачивалась, а рога мерцали, словно звёзды, глаза же горели словно два Солнца... Горели Волей.

Фрей рухнул на колени перед фигурой столь колоссальной, он помнил легенды о Бойне и как мятежник убил её, если, будучи человеком он смог это, то сейчас, он по-настоящему силён.

— Рогатый Бог, я шёл сюда, несколько лет после своей смерти, чтобы просить у тебя - крылья и волю, я хочу убить тех, кто убил меня, меня предали, убили, растоптали мою честь, но даже смерть не повод умирать, даже после смерти, я всё ещё готов убивать, — воин произнёс всё это чётко, смотря в два горящих глаза.

Рогатый Бог медленно подошёл к нему, его змееподобные глаза внимательно изучали мёртвого воина.

— Ты хочешь получить крылья, чтобы снова стать сильным? — спросил он, его голос был полон насмешки. — Но ты понимаешь, что за это придётся заплатить? Я люблю свежее мясо и тех, кто способен проявить волю. Ты готов на жертвы?

Фрей не колебался, путь сюда был испытанием, слишком поздно поворачивать назад.

— Я готов на всё. Моя воля сильна, и я не боюсь расплаты. Я хочу видеть, как мои враги падают передо мной, как пепел на ветру.

Рогатый Бог встал перед ним, всем своим исполинским ростом, Фрей потерялся в тенях от его крыльев.

— У тебя уже нет сердца, ты мёртвый, убитый, опозоренный, тебя отвергнуть и забыть стоит, — Рогатый сделал паузу.

зу. — Но, раз даже смерть не заставила тебя успокоиться, это вызывает уважение, в конце концов, я тоже живу без сердца, оно там. — Рогатый Бог поднял руку к небу указывая на появившееся Солнце, которое теперь тоже проявляло интерес к происходящему.

— Я готов на всё, Рогатый Бог. — сказал Фрей.

— У тебя ничего нет кроме ненависти и мести, — отрезал Рогатый Бог. — Принеси мне сердце своего врага, покажи, что за этим мёртвым телом ещё горит воля.

Фрей вздохнул, Рогатый даёт ему шанс, на месть, на воле творение в этом мире. Шанс вернуть себе жизнь и даже большее.

— Я выполню твою волю, Рогатый Бог, — произнёс он, его голос дрожал от решимости. — Я принесу тебе сердце врага.

— Так и быть, — ответил Рогатый Бог, его глаза сверкали от удовольствия. — Иди, воин. Найди своего врага и принеси его сердце. Я жду.

С этими словами Рогатый Бог растворился в тумане, оставив воина одного среди ледяных статуй. Воин поднялся на ноги, его решимость укрепилась. Он знал, что впереди его ждёт опасный путь, но он был готов снова вырвать свою волю из лап врагов.

Мёртвый воин сорвался с места и побрёл в поисках своего врага, давнего, тот кто его однажды убил. Им двигала цель заполучить крылья и вернуть свою волюшку. А для этого

нужно лишь обнажить сердце врага, красное, живое, мягкое.

Воин пробирался через мрачные леса, где деревья, искривленные и обвиты лианами, казались стражами, охраняющими секреты далекого прошлого. Каждый шаг отдавался глухим эхом в его умах, но он не позволял страху овладеть собой. Он знал, что впереди его ждёт враг, тот, кто был причиной его страданий и смерти его семьи.

Долго шёл мёртвый воин, но впервые за много лет в его глазах горела Воля. И вот лес закончился, и он вышел на поляну, вдалеке которой, он увидел старый замок, времён ещё первых богов, чёрный, весь неправильный. Кишки воина подали глас: «Фрей, он там, пойди туда, вырви его сердце и убей всех, кто встанет на пути».

Мёртвый оскал блеснул на лице Фрея, он пошёл внутрь, с улыбкой на лице и мечом в руке.

Замок был сделан из тёмного камня, который словно поглощал свет, резные колонны, вырезанные картины на стенах изображающую древнюю Богиню Бойню, создательницу людей. Воин провёл рукой, ощущая рельеф осколков истории. Трепет возникает, когда перед тобой нечто столь древнее, что даже твой самый древний предок оказывается младенцем перед ликом времени.

В конце зала его ждал тот, за кем он пришёл. Старый товарищ — старый предатель. Кишки скрутились в клубок из ненависти. Он предстал перед Фреем, облачённый в чёрную броню, закрывающую его лицо и лишь два жёлтых огня го-

ворили о наличие глаз. Рука сжала меч крепче.

— Фрей, мои глаза меня видно обманывают, я помню, как этот меч пробил твоё сердце и сердца твоей жены и детей, — в голосе предателя было слышно лёгкое замешательство.

— Для настоящего гиперборей, смерть — не повод отказываться от мести, я пришёл, чтобы забрать твоё сердце, — голос Фрея был спокоен, невыносим спокоен.

Больше слов не звучало в этом замке. Живой и мёртвый сошлись в бою. Два меча столкнулись.

Лязг.

Искры.

Красные и жёлтые глаза.

Мечи изгибали невероятные дуги, вот, мелькнула первая капля крови... или показалось? Фрей атаковал безжалостно. Бессострадательно. Кровожадно. Смертолюбо. Лезвие пронеслось в одном пальце от шеи предателя. Фрей же два раза чуть не остался без головы.

В пылу сражение, Фрей замешкался, и чёрный воин пробил его грудь мечом. Меч так и остался в груди и понадобилось мгновение, чтобы понять, а ведь сердце Фрея давно не бьётся. Фрей улыбнулся. Враг остался без меча. Вынул меч из своей груди и отсёк руки предателя. Крик был недолгий, гораздо быстрее воин остался без головы, а спустя мгновение и без сердца.

В холодных пальцах ещё билось сердце. Глаза горели словно два уголька. Сердце тёплое и в крови. Так и понёс

Фрей дар Рогатому Богу. Больше ему нечего делать в этом проклятом замке. Мёртвый воин побрёл назад к капищу, через горы, леса, бури и холод.

Когда он снова подошёл к алтарю, Рогатый Бог уже ждал его. Его змееподобная голова приподнялась, а рога искрились в свете луны.

— Ты вернулся, мёртвый воин. Принёс ли ты жертву? — спросил он, его голос звучал как рокот тысячи копыт.

Воин поднял сердце врага и бросил его на алтарь.

— Вот, Рогатый Бог, я выполнил твою волю, — произнёс он с уверенностью. — Теперь дай мне то, что я прошу

Рогатый Бог наклонился, его глаза сверкали, когда он увидел жертву. Он рассмеялся, и его смех раздался, как гром в ясном небе.

— Ты проявил силу и волю, и теперь я исполню твоё желание. Но помни: с силой приходит и знание. Я открою тебе тайны древних рас и силу природы, но ты должен быть готов нести эту ответственность.

Фрей кивнул и опустился на колени перед Рогатым. Бог опустил руку на плечо воина, он чувствовал, как его тело наполняется силой. А из спины стали пробиваться чёрные вороны крылья, блестящие в свете луны. Знания, тайны, веды ушедших рас, вот что открыл ему Рогатый Бог.

— Теперь ты не просто мёртвый воин, — произнёс Рогатый Бог, его голос звучал как эхо в вечности. — Ты — воин расы гиперборейской, способный управлять силами приро-

ды и знать тайны, о которых мечтали многие. Но помни, что с этой силой приходит и великая ответственность.

Воин, теперь полный сил и знаний, склонил голову в знак уважения.

— Я не подведу, Рогатый Бог. Я буду использовать эту силу, чтобы защищать тех, кто нуждается в защите, и мстить тем, кто причиняет боль, я буду стоять до конца ради Гипербореи, ибо нет у меня ничего роднее и ближе.

С этими словами он расправил свои новые крылья и взмыл в небо, поглощая свет луны и звёзд. И когда он взлетел и перед ним раскрылась снежная Гиперборея во всей своей суровой красоте, он понял, что никогда не чувствовал себя настолько живым. Фрей полетел. Как можно дальше. На встречу красоте и величию. И не было ничего, кроме ощущения свободы от оков материального мира.

Рогатая этика

Далее приводятся отрывки, найденные на одном из капищ, в котором, судя по тексту, написаны максимы и наставления Рогатого Бога, к сожалению, сохранились не все, но часть дошла до нас, она приводится в полном виде и приблизительном переводе. Этот текст состоял из 95 пунктов.

«Так говорил Рогатый Бог:

1. Воля сильного — закон для слабого. Уважай тех, кто

способен решать свою судьбу;

2. Восхищайся мощью природы. Она — твой союзник в...
(далее стёрто);

3. Не бойся крови. Она — символ жизни и силы;

10. Сырое мясо — пища настоящих воинов;

12. Убийство — это не грех, а проявление воли. Уничтожай врагов без сожаления;

13. Поедай сердца падших врагов, только так ты обретаешь Волю;

16. Ищи возможности для войны. Каждая битва — это шанс для роста;

20. (Стёрто)... зубы беречь;

25. Умей прощать только тогда, когда это выгодно;

33. Воспитывай свою силу в сражениях, а не в мирных условиях;

36. Власть — это не только право, но и ответственность;

45. Уважай свои инстинкты. Они ведут тебя к истинной цели;

49. (Сложная лингвистическая игра, перевод примерный): Вышедший из бездны тьмы, пусть улыбнётся Солнцу, сказав ему: «Дарю тебе благо, будь Воля твоя сильна», да не выгорит твоя кровь, не покидавшая душа тело останется сытой;

56. Научись смеяться над собственными поражениями. Это делает тебя крепче;

60. Не воля принадлежит тебе, а ты принадлежишь Воле;

66. Смешивай жестокость с юмором. Это делает жизнь ярче;
70. (Стёрто)... с улыбкой на лице иди на... (стёрто);
73. Уважай тех, кто способен на бескомпромиссную борьбу;
80. Каждый день — это новая битва. Не сдавайся, даже когда кажется, что всё потеряно;
88. Воля — это твоя истинная сила. Воплощай её в каждом своем действии.»

Это всё что дошло и всё что удалось расшифровать, поскольку язык Рогатого Бога представлял набор архаизмов не все предложения удалось перевести. Из того что до нас дошло, можно сделать вывод, что религия поклонения божеству под названием «Рогатый Бог» носила сугубо элитарный характер, который мог вынести не каждый, не совсем ясны пассажи про поедания сырого мяса, видимо в этом культе был распространён каннибализм и вера, что воля является... всем? К тому же, замечу, Воля, пожалуй, выступает как некий субъект, гипербореи напрямую ставят равенство между волей и солнцем. Моё мнение, что их нынешний культ напрямую родился от солнцепоклонников, которые очевидно были на территории Гипербореи.

Но, в тексте я заметила несколько интересных пунктов, например, 66, который говорит о юморе, могу сделать вывод, что гипербореи превозносили не только поэзию, но и

юмор, который дистанцировал их от угрызений совести, которые были объявлены химерами слабых.

Также, поэзия в жизни и культуре гипербореев имеет очень важное, практически, религиозное значение, ведь большинство религиозных и исторических текстов написаны в духе простой поэзии, скальдической, все элитарные представители их народа обязаны уметь писать саги. Что по-своему удивительно, такое трепетное отношение к поэзии для столь жестоких культур редкость.

Я бы назвала их религиозный фундамент – «Архаичный Волюнтаризм». Поскольку, народ Гипербореи, очевидно, ставит в центр своей этики и космогонии миф об основании мира некой персонифицированной Волей. Что, пожалуй, перекликается с, некоторыми, учениями нашего общества. Однако, это всё ещё остаётся религиозным культом, который отличается крайней иррациональностью и пассионарностью, что затрудняет дальнейший диалог между расами.

Доклад предоставлен Лариссой Дейн для ознакомления БУРЗУМу главному управляющему Исааку Рихтеру.

(На обратной стороне доклада был нарисован смайлик со словами: «смех освобождает»)

Глава 3

Зверолюдства поганый след

Года текли, размывая память о прошлых битвах, бывших богах, неизменным оставался Рогатый Бог, чьей волей была создана Гиперборея. Вечные льды и лишь редкие тёплые дни закалили людей гипербореев, а наставления Рогатого стали для них основой новой морали и новой силы.

Чёрные крылья пролетали над землёй.

Два красных глаза метались будто алые звёзды.

Они искали угрозу.

И обнаружили.

С востока шла тьма, которая сразу вызвала отвращение у Рогатого Бога. Зверолюди из пустынных земель востока переступили границу Гипербореи. Их религия, которую они звали Малзи воспевала как высшую добродетель смешение видов, видя в этом основу для мощи. Они скрещивались с животными, загрязняя свою человеческую кровь, в конце концов перестали походить как на людей, так и на животных, они стали — иным. Зверолюди были огромны, наполнены ненавистью к чистой гиперборейской расе. Узнав про существования народа, чья основа — обретение мощи, чистота и воля, они испытали страх и отвращение.

Движимые своим пророком Уруком они объявили свя-

ценную войну, чтобы распространить свои идеалы и, окончательно, уничтожить чистых людей, оставить отпечаток на их лицах в виде смещения. Он собрал самых свирепых зверюшек, покрытые мехом, клыкастых вооружённых топорами и молотами они двинулись на север к сердцу Гипербореи.

Рогатый Бог не с ненавистью, а с кровавым азартом принял вызов, ибо нет большей радости для гиперборея, чем убивать врагов.

И за ним пошли воины и воительницы с таким же азартом и жадой смерти врагов, ибо нет большей радости для детей Гипербореи, чем удобрить землю кровью врагов.

Рогатый Бог, встав на камень дал им слово:

— И я был когда-то человеком, но стал я больше чем человек, потому что, когда Воля показала мне оскал, я понял; что Воля рада меня видеть и не пытается испугать. И я ответил Воли улыбкой и отдал своё сердце с радостью, а не в страхе и теперь мы празднуем день, когда я лишился сердца с такой же радостью с которой я убивал богов! И если кто-то решит, что я достоин смерти, пусть убьёт меня, а до той поры, нам нужно убить врагов воли, свободы и чистоты. С востока идёт угроза человеческой расе и нет для сынов Гипербореи большей радости, чем сломать хребет угрозе нашего миропорядка! — и слово было сказано Рогатым, как мёд потекло оно между душами гипербореев и испытали они экстаз.

Встретил Творца — убей Творца.

Так говорил Рогатый Бог.

Армия шла на встречу тьме. Чистота шла навстречу грязи. Стройный отряд, дисциплина для которого важнее, чем жизнь. И над ним невидимая для глаз, но видимая душой тёмная крылатая фигура.

Дни сменяли ночи. Холодный ветер шептал угрозу. Мороз ковал жилы воинов. Но горячей крови гипербореев не привыкать к холоду. Скальды писали саги в походах, смех торжествует над страхом, и в каждом гиперборее построен храм.

По другую сторону в стане зверолодей царил разлад и страх. Изнеженные тёплыми песками и нежными водами, они оказались неготовые, когда даже природа ненавидит твоё существование. Те, чей мех был достаточно густой могли переносить гиперборейские морозы, но иным повезло меньше. Их клыки стучали в морозе, а настроение было в упадке. Стараясь согреться костром, они выдали своё присутствие раньше, чем хотели.

Армия людей шла и завидев дым отправила несколько разведчиков, лагерь зверолодей был найден быстро, составлен примерный план и расположение объектов, распределение вражеских бойцов.

И на рассвете, воины Гиперборееи появились из леса, обрушились на лагерь зверолодей. И их вёл Рогатый Бог.

Битва началась. Не успев познать суть насилия, зверолоуди терялись в смертовороте кровавого торжества. И даже растерянность врага не делала битву лёгкой. Зверолоуди сража-

лись безжалостно, с тотальной жадой крови людей. Представьте, что вы оказались на планете из крови и плоти, с которой сняли кожу - так выглядело происходящие вокруг.

В голубых глазах сверкала навь, мечи рисовали прекрасные узоры и кровь разлеталась шлейфом по миру.

И в окружение праздника крови - Рогатый Бог, его меч древнее чем раса зверолодей танцевал в их кишках. Его зубы впивались в шеи и дробили кости, а когти разрывали мясо.

Наконец-то, взгляды исполинов встретились. Урук и Рогатый Бог. Жёлтый взгляд и красный взгляд. Смешение и чистота. Урук был исполином, больше

и массивнее остальных зверолодей, в его лапе было разорванное туловище гиперборейского воина, чья рука всё ещё сжимала меч. Рогатый Бог испытал гордость за гиперборея: «Он не пожалел молодости, чтобы умереть» - подумал Рогатый. Урук медленно подходил, оскал плясал в безумном припадке ненависти. И вот когда он кинулся на Рогатого Бога, его голова отделилась от тела. Лёгкое движение рукой. Меч сверкнул в лучах Солнца. И покатилась голова Урука по снегу. Не будет великой битвы. Будет убийство. Холодное. Эффективное.

Тело рухнуло на землю, огромная туша источавшая вонь, покрытая белоснежным мехом, на котором улыбались алые пятна крови.

Зверолоды замерли.

Они посмотрели на Рогатого Бога.

Испытав страх - пустились в бега.

Конец битвы, но не войны. Зверолюди скрылись на востоке, но подобно тьме они вернутся снова, как только почувствуют слабость. Как только заснут защитники великой расы.

Гипербореи, уставшие, но сильные духом, собрались вокруг Рогатого Бога. Они знали, что их лидер не только воин, но и защитник, который готов сражаться за них до конца. С этими мыслями они вернулись в свои дома, гордые и полные надежды на будущее.

И так, история Рогатого Бога и его сражения с зверолюдьми осталась в памяти народа, как символ стойкости и мужества. Он ещё раз подтвердил, что является защитником Гипербореи, и его имя будет жить вечно в сердцах тех, кто сражался за свои идеалы, традиции и будущее.

С востока — зной, с востока — пыль,

с востока поднялся Урук-пророк.

Пёсым утром, в час, когда Солнце спит,

пересёк он каменный пояс гор.

Вёл он стаю — полузверь, полупрах,

клыки точили о материнский рог.

Малзи пели: «Смещение — наша власть,
чистота — лишь кость, что грызёт червь».
Пали сёла на северных берегах,

кровь текла в ручьи, что поят ясень.

Эльвира-девочка пряла прядь в углу —

тогда ещё красные очи не жгли.

Рогатый услышал — клювоострый вождь,

глазами прошил горизонт.

Там, где дым застелил небесную гладь,

он крылья расправил в полный рост.

«Воля не терпит наполовину,

кто смешался — тот умер внутри.

Я в вас не веял пшеницу скотины,

я в вас сеял огонь — на, посмотри!».

Слово его — как молот по наковальне:

«Вставайте, волчья рать.

Не враг идёт — бешенство встало,

смесь гнили, гноя и злости».

Сшиблись на мёрзлом поле,

где иней ещё не сошёл.

Зверолюдьё — в размокшей шерсти,

гиперборей — гол и зол.

Урук рубил двуручным тесаком,

сшиб трёх — встал четвёртый.

Рогатый смотрел свысока, однако

жёлтый взгляд с красным спёртым.

И тогда сошлись — небо в трещинах,

земля в наволочке из кишок.

Урук зарычал: «Твой род — вечерний,

мой — утро, что смело всё в пыль».

Рогатый молвил: «Ты — насекомое,

кровь на час, мечта на миг.

Я помню, как Воля гнула основы,

а ты — лишь песчинка в них».

Меч Агасфера лёг на загривок,

рука держала ровно.

И голова Урука — навывлет —

покатилась по снегу — неровно.

Тело рухнуло — палкой сухою,

кровь застыла в тот же миг.

Зверолюди бросили — к югу,

выли, как щенки без матери

А Рогатый встал над трупом,

крылья закрыли свет:

«Так будет с каждым, кто сунул

рыло туда, где царство Воли». ¹

Отрывок саги «Рогатый Бог и Урук», принадлежит неизвестному скальду, погибшему в одном из походов. Текст был найден в пещере, вероятная стоянка лагеря Гипербореев. Ларисса Дейн «специалист по архаичным культурам».

Глава 4

Заснули сыны великой страны

1. Смертоворот

Праведный гнев вскипел в расовом сознании гиперборцев, они пошли далеко на юго-восток, в сердце зверолодской червоточины, для тотального уничтожения самой памяти, об отпечатке расового смещения на лице мироздания. Рогатый Бог объявил Смертоворот¹ всему роду зверолодскому.

Гиперборцы шли по засохшей земле, медленно переходящий в пустынные равнины и холмы. Солнце палило по их телам, которые были изнежены морозными ураганами родной земли.

Героический воин-поэт шёл среди друзей, высокий и белокурый, закалённый в сражениях был в расцвете своей воинской мощи. И звали его...

— Ульфрик, ты видел хоть раз столько песка? — спросила соратница по войне, прекрасная Эльвира, красноглазая воительница, рыжая бестия Гиперборцы.

Ульфрик посмотрел в её алые глаза и с лёгкой улыбкой ответил:

— Никогда, Эльвира, видел горы высокие, степи широ-

кие, леса тёмные, но, чтобы столько песка и солнца целыми днями — ни разу. Представляю, как может утомить этот пейзаж. — голос Ульфрика был басистым, слышащий его словно испивал мёд от его голоса.

— Хочу вернуться к родным льдам, скучаю по снегу, по ветру холодному и напиткам горячим, — отозвалась Эльвира с лёгкой улыбкой.

Смертоворот — аналог священной войны в понимание фанатичных архаичных объединений отсталых народов, *casus belli* выступает надуманный предлог: «они неверные, они поклоняются чужим богам, они поклоняются правильным богам, но делают это неправильно». Инфантильная, но эффективная причина, которая способствует объединению расы

Ларисса Дейн «специалист по архаичным культурам».

Эльвира воительница Гипербореи, обладала редкой для людей особенностью, яркими и красными глазами, когда она родилась все, шептались, будто это Рогатый Бог пометил её для службы, может они и были правы, в конце концов, она стала верной жрицей Рогатого. Её рыжие волосы были заплетены в тугую косу и убраны под шлем.

— Все мы хотим, милая Эльвира, все, — рядом возник молодой колдун Артур, настырный, как и все в молодости. Его голубые глаза стреляли по горизонту, он получал удовольствие от путешествия в далёкие земли. Одетый в тёмный балахон, его длинные русые волосы трепал ветер. — Что вы

такие невесёлые? Рогатый объявил Смертоворот, такие кроважадные воины должны плясать от радости.

— Артур, дорогой, если бы не личный интерес Рогатого к тебе, я бы тебя давно съела. — сказала Эльвира без злобы, дразнит нашего мага. — Ты лучше скажи, что там по картам, долго нам ещё идти?

Артур раскрыл карту и воздушным взором осмотрел её.

— Судя по карте, идти ещё долго, — сказал он ровным голосом. — Вам так не терпится уже вернуться к полярным льдам?

Ему ответил звероподобный гиперборей Торгрим, сын божества Ирниса, рождённый от обычной гиперборейки, его жёлтые глаза сверкали на солнце, а острый ястребиный нос чуял за много шагов, он напоминал молодого волка.

— Лично я скучаю по зелёным лесам, по высоким соснам и толстым дубам, а ещё по сладкому мёду, который согреет в мороз. — сказал Торгрим твёрдым рычащим голосом.

Гиперборейи шли дальше по вражеским обжигающим пескам. Перед наступлением ночи, они разбили лагерь, развели костры. Друзья сели вокруг него и стали жарить мясо добытой дичи.

— Днём жара невозможная, ночью холодно, никогда больше в пустыню не сунусь, — сказал Торгрим, грея руки и костра.

— Особенности земли, мы привыкли к нашим изумрудным лесам и снежным горам, они нам милее всего, для зве-

ролюдей вот это, — Артур окинул взглядом и жестом пустынный простор, бескрайний песок сливался с небом и горизонтом. — Вот это всё роднее и красивее. В крови у всех любовь к своей земле, по крайней мере, у достойных детей своей почвы.

— Оставь свои проповеди, Артур, у нас простое дело — сломать хребет всему роду зверолодскому, — молвила Эльвира, она села на корточки и набросала на песке план пальцем, плавно очерчивая карту. — Вот здесь их столица, пусть будет этот камешек, а вот тут мы... Да, вот эти четыре монетки.

— Монетки, серьёзно? — усмехнулся Ульфрик.

— Что нашла в кармане, но тебя могу сделать жуком навозным, если ты не хочешь быть монеткой, а, хочешь? — оскалилась воительница.

— Туше, продолжай, будь любезна.

Эльвира продолжила рисовать план. Она изобразила реку плавными волнами, которая отделяет их от столицы зверолодства.

— Видите, река, скорее всего, именно, она положила начало жизни в этом месте. К воде тянется всё живое в этом мире. Понимаете, к чему я?

— О, да, зверолоды любят пить воду. — отозвался Ульфрик.

— Да, а ещё, эта река поддерживает их жизнь и какую-никакую цивилизацию, мост всего один на их сторону, охраня-

ется разумеется, поэтому...

— Мы построим свой мост! И переправим армию через него. — воскликнул Артур.

— А когда мы разрушим их города до основания, мы перекроем доступ к реке и это место станет окончательно мёртвым. — закончил Ульфрик.

Повисла тишина вокруг треска костра. Казалось только сейчас до них дошла основная цель их похода. Смысл Смертоворота.

— Иначе нельзя, оставим им шансы на выживание и рано или поздно они вернутся, и наши внуки попадут под удар. Я предпочитаю решать проблему раз и навсегда, а если для этого нужно уничтожить расу, такова цена, моя родня всегда дороже чужака, верно? — Ульфрик был твёрд, а его логика понятна.

— Это... разумный подход, если существует хоть малый шанс ответа — нужно исходить из того, что это неизбежно, иначе мы ставим под удар весь наш вид, а это неразумно. — Дал свой чёткий анализ Артур.

— Разумный не значит правильный, знаете ли, а если мы не сможем их добить и это обозлит ещё сильнее зверолодей? — парировала Эльвира.

— Вы сами видели их, они смешивают свою кровь с животными, думаете они не смогут идти достаточно далеко, чтобы найти себе новый плацдарм для жизни, они не были готовы к нашему холоду, но адаптация дело всегда времени,

кто знает, не получим ли мы ещё больше проблем? — ото-
звался Торgrim.

— Поэтому мы и собираемся к тотальному уничтожению
их породы, а не играть в войну. Рогатый Бог сказал Смерто-
ворот — так тому и быть, они должны понять нашу беском-
промиссность в вопросах уничтожения и нет лучшего аргу-
мента чем геноцид. На этом разговор окончен.

Оставшееся время до сна они ели молча, напряжение ещё
долго не проходило, но авторитет Рогатого Бога никто под
сомнения не ставил, ведь не на войну их призвали, а, чтобы
уничтожить врага до основания. За героев всё решили, так
тому и быть.

Утро было жарким, воины стали выбираться из своих па-
латок, пот стекал по сильным телам. Солнце в этих местах
словно испытывала ненависть ко всему живому, стараясь ис-
пепелить всякую жизнь.

— Экономьте воду, соратники! Нам идти до реки весь
день, пейте в половину от нужды. — голос Ульффрика твёр-
дый, распетый и властный отрезвил воинов Гипербореи.

Армия двинулась дальше. Сквозь пустыню. Их тела не
привыкли, что природа может испытывать тебя не холодом,
а зноем. Чужая земля отвергает их. Презирает. Захватчики,
которые пришли в чужой дом, чтобы его сжечь. И сам воздух
был пропитан вечностью, которая в Гиперборее стала тож-
дественна борьбе.

Вам может показаться преувеличением, но как только вы

впервые проявите волю к экспансии, вы поймёте, что история преуменьшает то чувство, которое крутит ваши кишки, которое играет в вашей улыбке, которое заставляет плясать рубящими ударами вашу руку.

Удивительно, как глоток воды становится вкуснее находясь в бесплодной пустыни.

Гиперборейцы ступали по земле.

По горячей ненавистной земле.

И вместо сердца пламенная воля.

Всё также жжёт в груди.

К вечеру отряд дошёл к реке, дуновение ветра уже отдавало холодом. Эльвира, сняв шлем вдохнула вечернюю прохладу и запах воды, она невольно улыбнулась. Воины начали наполнять свои бурдюки водой, пить её, вкусную, сладкую воду. Вода источник жизни, наполнила желудки воинов, остужая их кровь.

— Ты улыбаешься. — сказал Торgrim, тихо, только для них вдвоём. — Почему?

— Красиво, Торgrim, тут красиво и чувствуется жизнь, — её шлем был снят и коса лежала свободно на плече, Эльвира, присев ближе к земле, зачерпнула горсть. — Тут плодородная почва, эта вода, единственный, источник жизни в этом месте. Я ненавижу звероловцев больше многих, но уничтожать всё это, превращать в бесплодную пустыню место, где есть жизнь, пахотная земля и смотри, вон там, какой красивый зверёк. Ты ведь провёл большую часть жизни в лесу,

тебе так не кажется?

— Если где-то пусто, то где-то будет густо, Эльвира. Как сверху, так и внизу. Этому учил меня отец — Ирнис, в уничтожение врагов нет ничего плохого, зверолюди сами обрекли себя на возмездие напав на нас когда-то, но природа, она всегда была священна, пускай и далеко от нашего дома, может мы и уничтожим зверолюдство, но ценой природы... Тогда она уже ответит нам, а с природой бороться себе дороже, всё равно, что надеется погасить Солнце стрелой из лука. — Торгрим хмыкнул и смотрел вместе с Эльвирой на реку, над которой уже возникал небольшой мост.

А мимо них пробежал тот самый зверёк, маленькая пустынная мышь, с длинным хвостом, пустынного окраса, он остановился на против Эльвиры и Торгрима. Его взгляд заставил их замереть. И он им сказал:

«Хаос правит миром»

Зверёк убежал в свою норку, оставив друзей в ошолобление.

— Знаешь, даже в этих местах я уверен, когда звери разговаривают это плохой знак, — проговорил Торгрим почти шёпотом.

— У меня такое чувство, что кто-то чужой, взглянул на мои внутренности, сквозь кожу в самую суть, бр-р-р. — Эльвира встряхнулась.

К ним подошёл Артур, который как раз закончил укреплять мост своей магией.

— Бесконечно можно смотреть за чужим трудом, верно?
— проговорил молодой маг. — Тут красиво, справедливости ради.

— Мне не нравится план с осушением реки, Артур, я уверена нам это выйдет боком. — Голос Эльвиры приобрёл твёрдость, из недр её горловины зазвучала древняя сила авторитета, которая заставила Артура опешить и растеряться.

— Ты так думаешь... Хм-м-м, но это вполне разумно, если нет реки, то... — Артур молвил перед ней.

— Достаточно, убивать зверолодей — сколько угодно, но менять природу, то что было создано Волей, нет, это непозволительная роскошь. И Рогатый Бог это примет, если он и правда уважает силу и не боится врага, — голос воительницы был приказной, волевой, настоящая жрица.

— Рогатый... Тебе виднее, жрица, в любом случае, нам ещё предстоит бросок на зверолодску столицу, а уж потом, будет потом. — Артур замолчал и обратил свой взор на горизонт, через реку, где-то там далеко их ждёт битва.

Приготовления закончились, и воины перешли через реку. Жребий брошен. Поход продолжался ровно до полудня, когда на горизонте появились первые шпили города. Город внешне был густонаселённым, дома из песчаного камня, храмы выделялись куполообразными крышами. Цветом город был жёлтым, по улицам ходили зверолоды, жизнь кипела.

Гипербореи наблюдали из далека, сделав небольшой незаметный лагерь, они ждали темноты, чтобы в тишине и мраке

нанести смертельный удар по цивилизации.

Мышь бежала по зверолодской столице, по узким улицам, по тёмным закоулкам, останавливаясь, чтобы послушать их разговор. Двое зверолодей, мужчина и женщина шли и мирно говорили.

— Ты взял для Дня Урука¹ земли у жреца? — говорила самка зверолода, почти не рыча.

— Да-да, взял, лучшая плодородная почва. — сказав это они быстро пошли в направлении к центру города, где уже готовились к празднику.

Мышонок побежал дальше.

День Урука — праздник в религии Малзи, в честь пророка Урука, который объединил разобщённые общины зверолодей и вывел основные религиозные догматы и положения. Был гениальным начальником Войны, пока не совершил ошибку — нападение на Гиперборею, где и был убит, данные о его смерти разнятся, но главное остаётся одно Урука убил Рогатый Бог.

Ларисса Дейн.

Забавно, что слово «Малзи» было заимствованно из языка протоатлантов, которые проживали на территории близкой к зверолодам, означало же оно... хм... Самотворение.

Заметка принадлежит авторству Исаака Рихтера — начальнику БУРЗУМа, он же «Смеющийся Судья».

Выбежав к главной площади, где на троне, в самом центре сидела статуя Урука из чистого золота, он, мирно склонив голову, словно смотрел на своих детей. Мышонок, взглянув на суету народа удовлетворённо пискнул. Маленький пророк Хаоса удобно устроился у кустика и начал наблюдать за праздником своими глазками бусинками.

Зверолюди высыпали землю у подножья статуи, самую лучшую и плодородную. Удобрjali её. Поливали. И начали саживать травами, чтобы Урук вечно жил в этих растениях, а после того как они дадут сочные плоды, зверолуды их ели на праздник Пришествия Урука и так цикл жизни его завершается и начинается снова.

Зверолюды взявшись за руки вокруг огромного огорода начали вести хоровод, такие обычные создания, почти нормальные, не считая клыков и меха. Дети кружились наравне со взрослыми, находя этот праздник очень забавным, стоял вечер и жара дня начала уходить. Даже мышонок от задора сделал пару лёгких танцующих движений.

Наш пушистый товарищ, насмотревшись на хоровод, тихо шмыгнул между их ногами, напрямик, в главный храм. Вход в высокое здание был сделан как большая арка, резная, лихие завитки красиво обрамляли колонны внутри. Мышонок восхищённо разглядывал архитектуру, пока не заметил чудные фрески, которые изображали Урука, его походы и, что-то ещё.

На одной из фресок было нарисовано сотворение мира, в верхней части была пустота, затем следовала вспышка и мир стал приобретать очертания. Мышонок замер. Внизу фреска показывала, что наш мир — это глазница Бога-творца, когда он моргает наступает ночь, когда открывает глаза он видит свет и наступает день. Сам же Творец выглядел монструозным, но неопасным, было в его взгляде лёгкая отеческая снисходительность. Мышонка — это позабавило, ведь он знает, что нет никого творца, только Хаос. И он убежал прочь в пустоту, иронично улыбаясь.

Крики раздавались по всему городу.

— Мы всегда вас найдём, думали убежать от нас в пустыню, но мы найдём вас ото всюду, потому что глаза наши видят, — это кричал Ульффрик, перед тем как раздавить череп ребёнку зверолода.

Бросив тушку на землю, воин-поэт, нанёс удар по самке зверолода, пробивая её грудь своим мечом. Кровь брызнула на его лицо, вызывая в его кишках воинский задор.

Гиперборейские воины, взяв город в кольцо, медленно продвигались по улицам, убивая растерянных зверолодов, они были не готовы сражаться в свой праздник. Никто ждал, что поход Урука тысячелетней давности обернётся Смертоворотом сейчас.

Зверолоды попытались собрать женщин и детей в без-

опасных местах, сами же спешили к оружию.

Эльвира шла твёрдой и уверенной походкой. Держала свой меч прямо. И легко отбивала атаки зверолодей, казалось они совсем разучились сражаться за это время. Зайдя в один из домов, она замерла, увидела, как два маленьких зверёныша сидят под столом обнявшись и вспомнила, как сидела также, когда её деревню сжигали зверолоды. Эльвира не стала жалеть детей.

Артур же выжигал дома своим посохом, он пробегал, блокируя возможность отступить. Гипербореи медленно сгоняли их в центр города. Численность зверолодей начала сокращаться, гипербореи имеют долгую память на обиду и большое терпение. Зверолоды были отрезаны от путей отхода. Собравшись вокруг статуи Урука, они покорно опустили головы. Эльвира, Ульфрик, Артур и Торgrim вышли вперёд, взглянув на них они увидели обычное население, не воины, а мужчины труженики, дети, женщины и старики.

— Где ваши воины? — чётко отчеканил Ульфрик.

Зверолоды замерли в страхе. И один мышонок сидел на голове Урука наблюдая с интересом за происходящим.

Не успели ответить зверолоды, как в небе мелькнули два чёрных крыла и два красных глаза и перед ними возникла высокая, массивная, рогатая фигура. Это был Рогатый Бог.

Крылья были огромные, его руки сильные с твёрдыми когтями сжимали меч Агасфера. Рога были настолько большие, словно он ими хотел пощекотать Луну.

Рогатый Бог взглянул на зверолодей и заговорил:

— Я освобождаю вас от бремени существования.

И начался настоящий Смертоворот. Рогатый Бог лавиной окутал зверолодей. Потроша их тела, пожирая тела и ни одно сердце не смогло спрятаться от него.

— Отвратительно, он с них заживо кожу снял, — сказала Эльвира.

— Это нам урок, всегда найдётся кто-то, кто понимает в насилие больше нашего, пойдёмте отсюда, — Ульффрик развернулся и пошёл из города.

— Меня сейчас вырвет, я тоже пойду, — Артур быстрым шагом удалился.

Эльвира и Торгрим продолжили смотреть, Рогатый Бог заканчивал свой кровавый праздник.

— Пойдём, Эльвира, скоро от этого города ничего не останется.

— Да, пошли, тут делать больше нечего, — Эльвира потянулась и вместе с Торгримом пошли в лагерь.

И только мышонок остался наедине с Рогатым Богом, пока, ему не стало скучно от однотонного насилия и неспешно пошёл по своим мышинным делам.

Когда гипербореи вышли из города, они взглянули на город, который был охвачен огнём полностью, дома начали ру-

шатся, стены осыпались, шпиль падали и через мгновение большая чёрная фигура вылетела оттуда в направлении к Гипербореи.

Воины собрались вокруг костра, каждый был занят своими делами, смывали следы битвы, набирались силами и переводили дух. Воздух был сладким, только что пережитая битва, которая одурманивает разум иллюзией бессмертия. Ульфрик поднялся и приказным тоном заговорил:

— Готовьтесь, через пару часов пойдём осушать реку, заодно отравим её.

Эльвира взглянула на него, решаясь выступить против, но не могла собрать свои мысли в единое целое, как вдруг она ощутила, что-то едва весомое на плече, повернув свой красный взор она увидела, мышонок. Его маленькие глаза бусинки передавали печаль. И мышонок заговорил:

«Позволь ему это сделать и обречешь моих мышат на смерть, Эльвира. Моих маленьких любимых мышат, мою семью. Позволь ему это сделать, и мы принесём голод и чуму в твою родину, Эльвира. Позволь ему это сделать, и я буду очень зол и не проявлю больше сострадание к вам, Эльвира. Позволь ему это сделать, и Хаос ответит вам в тысячекратном размере, Эльвира. Я маленькая пустынная мышка, но и я могу быть жестоким. Эльвира, не дай ему это сделать, и я буду твоим другом.»

Мышонок пискнул на прощание и убежал в неизвестном

направлении.

Эльвира встала лёгким движением, подошла к Ульффрику и нанесла удар по его лицу, он рухнул на землю, лишь удивлённо взирал на воительницу, в её строгие черты лица, которые в этой суровой гримасе, казались красивыми, а её твёрдый властный голос вернул его в трезвые чувства.

— Смертоворот окончен, реку никто не тронет, иначе я убью каждого, кто решит противостоять мне, это моё последнее слово, оно не обсуждается, — Эльвира прошла мимо Ульффрика, который начинал подниматься, под удивлённые и шокированные взгляды соратников. Ульффрик спорить не стал, не сегодня, не с ней.

Глава 5

Ироничные размышления о поэзии и не только

В бытность свою дитём, уже тогда я отличался глубокой чувственностью к прекрасному, я наблюдал часами за архитектурой зданий, чудесами словесных построений, последнее определило мою профессию, мало кто знает, но Ваш Смеющийся Судья, является лингвистом по призванию.

Прекрасно зная мою любовь к поэзии и красоте [изучению оной, я посветил свои самые чувственные года молодости], я рад, что такое удовольствие Вы дали мне, поэтому начнём!

Начнём с примера скальдической поэзии от лица воина-поэта Ульффрика:

Слышал я — глашатая Солнца

сеял смерть на восточных границах.

Змей-кормилец вороньих стай

золото зубьев точил о кости.

Вёсла крыльев под облаком гнулись —

ветра выли от чёрного размаха.

Там, где песок пил пот героев,

прах Урука пал в болотную дрезину.

Дева-река стонала под мостом из копий,

Рогатый нёс бурю в раскрытой пасти.

Мы жали колосья из тёплых сердец,

молотили хребты до утренней зги.

Эльвира-ворона с красным оком

остановила поток из костей.

Сказала: «Довольно. Хаос не меряет

шагом копытца — он мышинный писк».

Я же помню: пахло удобно

кровью зверя, смешанной с глиной.

Смертоворот — это колыбельная

тем, кто просил у Воли пощады.

Вот яркая демонстрация, классической поэзии, которая в гиперборее называется «сагой». Довольно простая в построение, от того передаёт больше смысла. Я же разделяю саги на три категории:

Мифические – цель которых рассказ о мифах, легендах, богах и космогонии, такие отличаются высоким пафосом речевых оборотов, гиперболизацией. Можно сказать, что они являются основой религиозного мышления в Гиперборее, ибо написаны много столетий назад, присутствует традиция заучивать и наизусть. К тому же, я смог обнаружить лишь восемь мифических саг, вероятно, их было больше, но это пока всем, чем мы располагаем. Судя по устаревшим речевым оборотам и словам, речь идёт о древних, очень-очень древних годах;

Исторические – пример, которого вы можете увидеть выше, как вы можете понять, основная их цель – летопись истории, событий, которые были в нашей материальной реальности (войны, битвы, смуты, реформы и т.д., и т.п.). Суть проста, текст прост, рифма проста. Скучно, но полезно с исторической точки зрения, хоть события и пропущены, через архаичное мифическое понимание, я нашёл много подтверждений о реальности событий, хоть изрядно и преувеличенных.

Дидактические – цель научить и привить этику «рогатого» волюнтаризма. Я понимаю, волюнтаризм в нашем об-

щество носит очень острые коннотации! Но меня это мало волнует, терпите, господа сенаторы. Хочу сразу провести черту перед волюнтаризмом нашим и их, волюнтаризм гипербореи носит откровенное метафизическое и мистическое понимание «Воли», что с точки зрения волюнтаризма нашего общества суицидальная глупость и невежество, ведь они доходят до полной персонификации Воли и приравнивают её к Солнцу?.. Для наших волюнтаристов – это безусловно глупость, а поедать сырое мясо дикость! К тому же глисты! Это ведь не гигиенично, рискну сказать, что эти дикари все носят в себе маленьких паразитов от постоянных контактов с сырым мясом. Или... Рогатый Бог защищает гипербореев от такой напасти? Хм, как думаете? Ладно, вернёмся к нашим баранам. Цель обучение и наставления, в ней даются практические и религиозные советы. Например, у меня на руках была прекрасная сага о ведении рукопашного боя! И с уважением к гиперборейцам могу заявить: они понимают в насилие больше нашего! Однако, без глупых архаичных заблуждений тоже не обходится, как например рассказы о населённости луны людьми.

Теперь вернёмся к разбору саги Ульффрика. Приношу извинения за столь дрейфующее повествование, это ведь размышления, эссе, меня так легко отвлечь на мелочи, а ведь, именно, мелочи рождают целую картину, но кому я это объясняю...

Данная сага относится к историческому виду, наиболее тривиального образца, от того показательно. Как мы видим рифма проста [там, где она присутствует], но ключевое это рассказ событий, который в истории Гипербореи называется «Смертоворот», иначе вторая война против зверолодей. Вторая, ибо первая была наступательная со стороны зверолодей, около пару сотен лет назад зверолоды вторглись в Гиперборею, вырезая и насилуя население, тогда они смогли остановить и отбить атаку, основной удар пришёлся из-за убийства их национального героя (если мы можем говорить о зверолодах как о нации с соответствующими институтами) Урука. Затем переведя дух и наращая силы, Рогатый Бог [я склонен считать его реальной фигурой] повёл войско Гипербореев на войну против зверолодей, объявив: «Смертоворот» - он же банальный геноцид и тотальная война. Очень милая возня архаичных рас. Пожалуй, гипербореи смогли нанести более существенный урон, из-за чего, столица зверолодей была уничтожена, а когда их воины вернулись с похода на юг (где вероятно вели подавления восстаний и смуты, поскольку после смерти Урука у них образовалась власть военной хунты и положение было очень хлипким), они обнаружили руины. Но, в данной саге есть момент, который мне тяжело подвести однозначной интерпретации, когда Эльвира останавливает Смертоворот она произносит: «Довольно. Хаос не меряет шагом копыта — он мышинный писк», что же такого странного

в этой строчки? Хаос разумеется, не помню, чтобы где-то поднималась идея случайности и хаотичности в культуре гиперборейцев, всё-таки они все озабочены своей волей и построением мира самостоятельно. Казалось бы, какая мелочь, если только не финальное заключение, «хаос – мышинный писк», признать, это меня действительно поставило в ступор. Понимаете, гиперборейцы очень узколобы к тонким метафорам, в основном их текст наполнен пафосом и преувеличением, а тут сравнение с мышинным писком фигура неудержимого, непостижимого, и такого далёкого... хаоса, случайности, оплошности. Одна случайность и мир разрушен. Лишний взмах крыла бабочки и бах на одного трупа больше. Вы думаете сила в ваших орбитальных пушках? Тратили? Нет, сила в том, что всё это по глупой случайности может обернуться против вас. Испытали трепет? Надеюсь. Потому что столь же странно сравнение с мышинным писком, настолько великой силы. Либо самонадеянная горделивость родила такую чудную строчку, либо, нечто, гораздо опаснее – опыт.

Об этом в очень краткой форме рассказано в данной саге. Прекрасно, лаконично. Я бы сравнил такую философию с ножом. Почему нож? Сами подумайте, нож удивительное орудие в своём назначении, им можно нарезать помидоры для салата, а можно глазные яблоки врага! Удивительно в своей короткой эффективности. Такая же поэзия Гипербореи, которой предаётся большое сакральное значение в их

культуре. Если ты не умеешь слагать стихи, то ты неграмотная чернь — мнение гипербореев. О, как это романтично прекрасно. Сакрализация столь высокого искусство как поэзия. Танец слов, который мы воспринимаем через свой мозгечок!

Так что, мой краткий вердикт:

Гиперборея бесконечно мила в своей романтической наивности, они определённо нащупали красоту в этом мире и пытаются осмыслить её через своё неразвитое понимание, им не хватает науки, философии, но их интенции носят безумно соблазнительный характер, за которыми я наблюдаю с той же восторженной симпатией!

Отчёт предоставил Исаак «Смеющейся Судья» Рихтер с любовью, к сенату Атлантиды.

3. Упокоение

Ульффрик сидел в своей палатке, записывая новую сагу, он всё никак не мог придумать концовку, ему нужно отразить бытие как оно было в Смертовороте, но всё упиралось в нежелание сходиться в поэтичном танце слова и смысла. Свеча дрогнула, давая понять, что его уединение окончено.

— Ульффрик, ты не против поговорить? — это была Эльвира, сейчас она была не той фурией, что прилюдно его осаждала, а практически другом.

— Не против, что тебе хочется обсудить? — Ульффрик, конечно, прекрасно знал, но этикет необходим даже в таких вопросах.

Эльвира решила перейти к теме не сразу, а сгладив углы беседой.

— Это твоя новая сага, можно взглянуть?

— Держи, только никак не могу написать конец, а знаешь почему?

Глаза Эльвиры блуждали по строфам ловили такую привычную ритмику гиперборейских саг.

— Я догадываюсь, это о моих мотивах, да? — спросила Эльвира и её голос будто бы дрогнул.

— Именно, почему же жрица, вдруг решил пойти против воли своих соратников, мой разум такое постигнуть не может?

Повисла тишина, воительница собирала свои мысли по осколкам в чудную мозаику. Что ей сказать? Про мышь, про убеждение святости природы, где настоящая причина? Ульффрик смотрел в её алые глаза, Эльвира была погружена глубоко в себя, и вот её зрачки вернули фокус на нём.

— Я думаю мне было ведение или знак...

— Ведение или знак? От Рогатого? — спросил Ульффрик ощутив растерянность.

— Нет-нет, думаю не от него, что-то, иное, более древнее, — Эльвира села рядом перед свечой и Ульффрик последовал за ней, они склонились оба над свечой. — Пустынная

мышь, она мне сказала, что, если мы нанесём вред реке, тогда последует ответ от природы, болезни, голод. Торгрим видел мышонка, он сказал нам... «Хаос правит миром», знаешь, если природа говорит, я думаю лучше её послушать.

— Хаос, что за чушь, но... говорящие твари никогда не несут ничего хорошего, плохой знак, может ты и права. А ты точно, ну, не сошла с ума? — Ульфрик посмотрел на неё с легкой улыбкой, после чего Эльвира возмутилась, а потом уловила издевательство.

— Ах, ты лучше свой острый язык используй в сагах! Я полностью в своем уме, как минимум потому, что, прекрасно, уловила твою дразнилку. — сказала Эльвира без злобно, она уже привыкла к колкостям Ульфрика, в которых не было настоящей злобы.

— По крайней мере, я понимаю твои мотивы, и теперь я знаю, как закончить сагу, — сказал Ульфрик начиная делать наброски.

Эльвира покинула палатку, оставив Ульфрика наедине со свечой и сагой. Завтра с утра они пойдут назад в Гиперборею, а пока самое сладкотекучее время — пауза после войны, тихая, спокойная, в которой каждый может найти момент для рефлексии. Ульфрик выводил рифмы, тихо шептав, проверяя на ритмику слова с налётом улыбки на устах.

Теперь давайте посмотрим, чем заняты Артур и Торгрим, оставим Ульфрика с его сагой, не будем отвлекать от важного дела, искусство дело тонкое.

Артур и Торгрим играли в шашки, очертив на широкой деревяшке клетки с полями и используя камушки вместо шашек. Они сидели рядом с костром, звучал тихий треск поленьев, Солнце медленно опускалось за горизонт и небо окрасилось живописным оранжевым цветом.

— Да это невозможно, — воскликнул Артур после третьего подряд проигрыша. — Как ты это делаешь, а ну признавайся, в чём твоя стратегия!?

На что Торгрим лишь рассмеялся и предложил попробовать снова: «вдруг теперь повезёт», говорил он ему, после нескольких возмущенных фраз, Артур возвращался к игре. Морща лоб, весь красный пытался разгадать его тактику. Эльвира молча рисовала пейзаж угольком на бумаге, которую она всегда брала с собой. Она каждый раз улыбалась, глядя на Артура, который так отчаянно пытался победить и так смешно негодовал от поражений, но при этом продолжая играть раз за разом. «Упёртый мальчишка, настоящий гиперборей» - думала про себя Эльвира, даже, немного, удивляясь такой настойчивости. Она сделала ещё, несколько, штрихов и убрала за пазуху, отдаваясь легкой прохладе вечера, который приятно остужал горячую кровь.

— Да, чтоб тебя, хитрый полубог! — крикнул Артур, от чего Эльвира вздрогнула и с интересом уставилась на них. — Расскажи уже, как ты так научился?

— Артур, — взгляд Торгрима был спокоен, даже снисходительным. — Ты слишком много думаешь, строишь планы,

стратегии, а я всё это вижу и просто меняю своё направление, стратегии хорошие, а вот скрыть их не можешь, в общем нет в тебе духа благородного дикаря, как у меня.

— Тоже мне, благородный дикарь, что это значит?

— А то и значит, что мне думать не надо, у меня инстинкты есть, но ты не обижайся, я, например, такие заклинания творить не умею, которые ты колдуешь, — пожав плечами сказал Торгрим. — Ещё одну игру и спать?

Артур постоял, подумал, и сказал:

— А давай.

И вот они снова начали играть, скорее всего, Артур снова возмутится проигрышем, а Торгрим лишь пожмёт плечами с легкой улыбкой плута.

Утром, когда все проснутся, воины соберут лагерь и пойдут назад, на север, в родную гавань, которая так мила им в своей ледяной суровости. И пойду уже по знакомому маршруту, всё дальше от жарких песков, от разрушенного города и от убитых зверолов. Лишь сага Ульфрика, пронесёт эту историю сквозь века, чтобы следующие поколения прочли её и испытали страх.

Глава 6

Сон

И снова рассвет над великой страной и Солнце нам лица не греет.

Четвёрка героев вернулись назад в Гиперборею, к алтарю Рогатого Бога. Огромный жертвенник с выбоиной по центру, для плоти, только сырое свежее мясо принимает Рогатый. Высокие колонны, барельефы, испещрённые историями Гипербореи, Артур ходил между ними разглядывая картины. На одной из них была запечатлена история мести, про убитого воина, чья жажда крови была сильнее смерти. Артур провёл рукой смахивая пыль, и замер, перед ним была вся история, полная предательства, отчаяния и боли, но в конце мертвый обретает крылья и взлетает, становится жнецом Рогатого Бога, спрятавшись глубоко в горах он находит упокоение.

Эльвира зажгла ритуальные огни по обе стороны от алтаря, Торgrim, Ульфрик и Артур отошли в сторону, давая простор для жрицы Рогатого Бога. Сбросив свой шлем, Эльвира распустила волосы, которые плавно легли ей на спину, волнистые, алые, багряный водопад. Взяв в левую руку ритуальный кинжал, она положила руки на алтарь и стала читать обращение шёпотом, только для неё и Рогатого Бога уха:

Черноглавый, клювоострый, моё сердце навсегда бьется

в тебе...

Эльвира сбрасывает свой доспех обнажая грудную клетку, со старым шрамом, таким аккуратным, длинным, прямым, след её сделки с Ним, когда она добровольно отдала своё сердце Рогатому Богу. Эльвира провела указательным и большим пальцем по шраму сверху вниз, инстинктивно, проверяя на месте ли он. Ульфрик вслед за ней медленно дотронулся до своей груди, пока Артур с Торгримом переглядывались. Шёпот Эльвиры продолжился:

Ты позволил служить Тебе, Ты дал мне право на месть. Я не могу больше дать тебе сердце, но во мне ещё много крови, которую я покорно приношу тебе, приди Рогатый, мы исполнили Твою Волю.

Взяв в левую руку кинжал, она вытянула обе конечности над алтарём, правой с силой сжала лезвие, пока алые капли не окропили алтарь. Кровь по камню стала вырисовывать странные узоры, окутывая медленно весь алтарь, а затем кровь медленно захватывала всё пространство. Стены и потолок были полностью окутаны кровью, Эльвира опустила руки и смотрела с трепетом, даже для неё такое явление было новым. Мужчины же и вовсе растерялись, медленно пятились к стенам.

Кровь на алтаре стала бурлить и медленно подниматься к небу, из тонкого столба кровь стала приобретать форму. Это был Рогатый Бог в крови. Алая морда смотрела на них, Эльвира упала на камень и оперившись на руки смотрела в

эти кровавые глаза в полном оцепенении. Торgrim и Ульф-фрик помогли ей подняться, и Рогатый Бог заговорил:

— Вы выполнили мою Волю? Моя Воля была в полном уничтожение зверолодства до основания. Вы уничтожили лишь жалкую кучку смердов. Моя Воля была, чтобы вы гнали зверолодей до края мира и столкнули их туда! Разве моя Воля была на то, чтобы вы стали спорить как малые дети? Разве моя Воля была на то, чтобы вы остановились, выполнив дело на половину? Нет, теперь вы обрекли нас на ожидание ответа от зверолодей, пусть через год, два или тысячу лет, но ответ от них последует. И тогда вы снова пойдёте биться с ними. В наказание, за неполную выполнение моей Воли, я отправляю вас высоко в горы, там будет пещера, и вы заснёте там и спать будете пока не понадобится мне снова, а если не понадобится вовсе, значит спать вам вечность! Идите по следу из крови, который я вам проложу вплоть до пещеры. — Это были последние слова Рогатого Бога, после чего его силуэт рассыпался на капли, и кровь разом смылась со стен и потолка, сбивая с ног и смывая четвёрку героев на улицу в этом кровавом ручье.

Герои стали подниматься на ноги, все в крови, в полном смятение, кровь же продолжала свой путь, как и обещал Рогатый Бог, медленно к далёким горам, маленькой алой ниточкой.

Когда Эльвира пришла в себя она заметила стоящего над ней Ульффрика, его лицо выражало чистое: «я говорил, но кто

будет слушать меня», он протягивал ей руку помогая подняться.

— Спасибо, Ульфрик, что даже язвить не будешь, — скептически спросила Эльвиру.

— О-о-о, конечно буду, уже сочиняю ругательные саги про тебя, но есть дела поважнее, в конце концов, я думаю, Ему и план с рекой не угодил бы, Рогатый хотел, чтобы мы по этим пустыням как обезьяны скакали, в пустынях же водятся обезьяны?

— В пустынях ничего не водится, Ульфрик, на то они и пустыни, разве что мыши. Я думала ты будешь более агрессивным.

— Был бы смысл, — Ульфрик повернул свою голову в сторону гор. — Хотя бы выспимся, верно?

— Сон лучше смерти, тут и учёным быть не нужно, — встрял в разговор Артур. — Пойдёмте, там Торgrim уже разведаль обстановку, ты как Эльвира, мне казалось у тебя вся кровь из тела ушла?

Эльвира помолчала, подбирая свой кинжал и броню.

— Сейчас лучше, но в тот момент, я думала, что так и будет. Пойдёмте, друзья, нас ждёт очень долгий тихий час.

Воины отправились по следу кровавой линии, сквозь леса и болота, ледяные выюги прямо к горам, где их ждало пристанище, в котором они заснут на столетия.

Так заснули сыны великой страны.

Глава 7

Пробуждение

Шли годы, десятилетия, столетия война со зверолюдьми осталась в прошлом, подарив Гипербореи спокойную жизнь, сытую, мирную. Наслаждение от процветания росло. Гипербореи стали зажиточнее, закономерно появился первый крупный город, который назвали Вальгрим. Сначала это был маленькая торговая стоянка, на которой собирались торговцы со всей Гипербореи, затем их становилось всё больше и вот уже появилась первая торговое объединение, которая старалась наладить общение между караванами. Постепенно появились первые дома, крестьяне начали переезжать поближе к торговым постам, удачное расположение с пахотной землей в самом сердце Гипербореи представляла собой очень удобную для всех территорию. В конце концов, когда город приобрёл постоянное крупное население, был создан совет и выбран первый король Гипербореи¹. И всё это было, пока герои, теперь уже древние герои, спали вечным сном.

Со временем сладкая жизнь бюргеров изнежила их волю, они превратились в слабых обрюзгших созданий, которые были тенью настоящих Гипербореев.

Тогда Рогатый Бог и вспомнил про своих спящих героев,

он полетел к небесным горам. И когда Он расправил свои крылья на Вальгрим опустилась ночь, закрыв от горожан Солнце, что заставило их испытать испуг.

Интересный момент в политическом устройстве Гипербореи. Их король формально не является абсолютным монархом. Вернее сказать, что Король – верховный полководец, который действует в случае военного конфликта. Но не это главное, судя по всему, древним Гиперборейцам, была свойственна, определённая, демократия, король выбирался до самой его смерти, но после этого выбирался новый король, который как правило не был связан родственными узами с предыдущим, к тому же, что ещё более редко, в их обществе царило равноправие между женщинами и мужчинами, что даже для нашего общества редкость. Но не спешите радоваться их прогрессивизму, вероятно, в их обществе вам вырезали бы сердце и съели.

Ларисса Дейн

Долетев до усыпальницы героев Рогатый встал напротив пещеры, вход был закрыт огромным валуном. Он провёл когтистой рукой по камню, ощущая его рельеф, сколько же лет прошло? Сотня, две сотни, наверное, что-то около полвека.

Рогатый Бог обхватил камень своими тёмными лапами и камень был сдвинут, со скрежетом и грохотом и вход в пещеру был открыт. Его горящие глаза освятили тьму пещеры, первые лучи пали на лица героев.

И они открыли глаза.

Их мышцы задубели, суставы ощущались натянутыми тросами, а кости неподъёмно тяжёлые. Их взор не мог сфокусироваться, яркий свет слепил глаза, слишком долго прибывавшие в темноте. Через мгновения привыкнув к бремени бодрствования они увидели перед собой рогатую фигуру с алыми глазами. И все всё поняли. Пора вставать.

— Поднимайтесь, довольно вам спать, новый враг на горизонте, с которым вам придётся разобраться, — слова Рогатого Бога оседали в ещё пробуждающиеся головы героев. — С юга пришла новая вера, которой отвратительны всё что так ценно в жизни, они называют себя Культom Смирения, проповедуют отказ от Воли, мощи и даже мяса. Они разносят свою словесную чуму по городам, в умы тех, кто боится брать в руку меч и довольствуется лишь ножом для нарезки картошки. Адептам Кulta противна сама идеи борьбы, стремясь стать безликой массой, как настаивает их пророк Магомер. Растаптывая индивидуальность народов и меняя их культуру под свою, они обрекают на рабство южному королевству, из которого и пришла зараза Смирения. Думаете это мирная проповедь? Нет, эти тихий и незаметный Смертоворот, который развернулся на территории Гипербореи. Вы спали долго, мир для вас будет непонятный, но вы внесёте в себе эпоху золотого века, эпоху кровавого золото. Науку времени, когда смерть ценилась больше жизни. Приходите в себя и ступайте по дороге, теперь все они ведут в один город — Вальгрим, приходите и сами убедитесь. А я ещё

приду к вам, в нужный момент протяну меч в помощи. До встречи, воины!

Рогатый Бог взлетел в неизвестном направлении оставляя героев наедине. Пытаясь переварить информацию первым подал голос Артур:

— Поздоровался бы сначала, — сказал Артур, и Эльвира тихо фыркнула. — Нет, правда, вот кто так делает, мы сколько спали лет пятьсот, наверное, а по ощущениям лет миллион и на тебе, какой-то Вальгрим, какой-то Культ Смирения, иди туда, делай то, я приду потом...

— Ладно, поныл и хватит, приходим в здоровое состояние и выдвигаемся, у нас дела, — сказала Эльвира, хотя её позабавила тирада Артура, протянув руку она помогла ему подняться и подмигнув ему пошла помогать остальным.

Воины вставали на ноги, облакая своё естество в доспехи, собирая свои вещи. Торгрим наполнил в бурдюк воды из пещерного родника, протёр лицо приятной ледяной влагой, передал остальным, чтобы они освежились. Как же вкусна вода после долгого сна, нектар богов. Всем медленно приходили в себя, Ульффрик стал отжиматься, наполняя свои мышцы кровью. Торгрим вышел наружу, прислушиваясь к новым звукам в этом чуждом мире. Артур с интересом наблюдал как Эльвира заплетает волосы.

— Эй, Эльвира, а тебе обязательно заплетать косу? — прозвучал искренний интерес.

— Нет, но это удобно, — не отвлекаясь от дела ответила

Эльвира.

— А лысой ещё удобнее, нет? — усмехнулся Артур.

— Удобнее, но заметнее, лысина сверкает лучами Солнца, а значит повышает твою заметность, а ещё, я люблю, когда у женщины длинные волосы, — ответила твердо, но с легкой усмешкой, добавляя чуть тише. — это красиво.

Артур пожал плечами принимая ответ, он вышел наружу, где Торgrim уже стоял и осматривал территорию. Окинув взором горизонт, Артур замер, вдалеке он видел, нечто, что он ещё не видел на Гиперборейской земле, город вдалеке, такой огромный и златоглавый, высокие здания, дороги, которые ведут в него и по ней едут торговые караваны. Артур, который привык лишь к небольшим деревням на лице Гипербореи, такое повергло в шок и из глубин пищеварения полз трепет, к самому мозгу.

— Самое ужасное, что всё такое родное и чужое, одновременно, в равной степени, это страх перед бытием как таковым, мы чужие в своей же родине.

— Нет, это же, прекрасно, Торgrim, мир развивался пока мы спали, смотри, это же чудо инженерного дела, невероятно, мне так хочется туда поскорее, в библиотеку! Столько всего можно узнать, науки, магия, у тебя разве нет восторга перед будущим, которое стало настоящим!? — восклицал Торgrim.

— Моя мать, вероятно, мертва от старости уже давно, деревня в которой я рождён существует ли она, а Лес, они вы-

рубают Леса, священные, кормящие нас, они вырубают. Восторг? Это оскорбление самой жизни. — голос Торгрима был твёрдый. — Мой отец, разве он не мешал этому или он был слишком занят мёдом, вином и шлюхами...

— Может не всё так плохо, лес всё ещё на месте, его меньше, но всё же. В любом случае, нам ещё предстоит всё изучить.

Торgrim лишь вздохнул, наблюдая за дробилкой цивилизации. Артур же смотрел и видел будущее, которое несло в себе бесконечность открытий.

Ульфрик и Эльвира вышли наружу, рассматривая горизонт, на котором возвышался Вальгрим. Четвёрка снова стояла на гиперборейской земле.

— Надеюсь технологию созданий таверны они не утратили с годами, что стоите, пойдёмте, посмотрим, что представляет из себя новое поколение гипербореев, — отчеканил Ульфрик и все последовали за ним.

Они двинулись в город, сквозь лес по тропе. Птицы шептали свои заговоры, деревья молча всматривались, лишь изредка качая кроной.

Город встретил их воротами каменными, вырезанные узоры на них, витиеватые. Горожане бегали и суетились, не обращая внимания на четверку, а те, кто обращал лишь поднимали бровь, смотря на их странный вид.

— Как изменились одеяния, вы посмотрите, они стали бо-

лее яркие? Я такую рубашку яркую видел только у Эльвиры, когда она была вся ярко кровавая после битвы, — проговорил Артур рассматривая людей.

— Кровь врага лучшая краска, Артур, она красит настоящую гиперборейскую женщину, — сказала Эльвира и посмотрелась на здание. — Тут почти все дома каменные, выглядят надёжно.

Четвёрка шла по главной улице города, их древний вид бросался в глаза изнеженным горожанам, дома окружали их словно каменные деревья, дойдя до центра этого каменного леса, они встали перед статуей копьеносного воина с крыльями, его взор падал на воинов и каменные глаза сверкнули древним огнём, а в его груди горела пустота.

— Тут написано: «Фрей — боец для которого смерть только начало», что ещё за Фрей, вы слышали о нём? — проговорил Артур бегая своим взглядом от лица к лицу друзей.

— Понятие не имею, — сказал Ульфрик. — Я лично знал нескольких мужей с таким именем, сомневаюсь, что это кто-то из них, но выглядит поэтично, интересно, кто это?

— Давайте поделимся! — воскликнул Артур слишком громко, на него покосились прохожие и продолжил тише. — То есть, мы раздельно больше изучим город, а ещё...

Артур не успел договорить, Эльвира взяла его за руку и дернула к себе.

— Отличный план, будешь под моим присмотром, а Ульфрик и Торgrim займётся, чем угодно ещё, добро?

Возражений не последовало, Ульфрик лишь усмехнулся от растерянного вида Артура.